

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1977

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля

1923 года

№ 38 (2619)

17 СЕНТЯБРЯ 1977

© Издательство «Правда». «Огонек». 1977

ПОДВИГ ХЛЕ

У

краина всегда была щедрым хлебным полем страны. В нынешнем году Родина ждала от нее праздничного урожая. Земледельцы республики знали, понимали это, взяли в год 60-летия Великого Октября очень высокие обязательства и поистине титаническим трудом, инициативой, творческой организацией дела подтвердили, что для советских людей год большого юбилея — это всегда и прежде всего героические усилия, направленные на то, чтобы умножить богатства Отчизны.

Труженики сельского хозяйства Украины отработали партии, народу, что второй год десятой пятилетки и год 60-летия Советской власти ознаменован замечательной победой: в государственные закроа уже засыпан один миллиард 108 миллионов пудов хлеба. Установленный планом объем закупок превышен на 1,3 миллиона тонн. Основной продовольственной культуры — озимой пшеницы продано 14 миллионов тонн. Перевыполнены планы закупок сильных и ценных пшениц, зернобобовых культур. Колхозы и совхозы продолжают продажу государству зерна кукурузы, риса, гречихи, проса. Обязательства по продаже хлеба выполнили все области республики.

А год выдался трудный. Хлеб уродил, но пришла пора уборки, и навалились дожди, на миллионах гектаров посевы полегли. Косовица шла в тяжелейших условиях. Понадобились предельная концентрация всех сил хлеборобов, транспортников, работников заготовительных органов, высочайшая самоотверженность, мастерство, смекалка, истинный коллективизм, чтобы не потерять так бережно и так прилежно выращенное.

Примеров трудовой доблести на жатве не счесть. Уборочно-транспортный отряд из Одесской области (передовые механизаторы его на нашем снимке), руководимый Николаем Довбенко, добился среднесуточной выработки на комбайн более 700 центнеров.

В своем приветствии ЦК Компартии Украины, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров республики Леонид Ильич Брежнев пожелал ее трудящимся «образцово завершить сельскохозяйственный год, успешно выполнить планы и обязательства по производству и продаже государству продуктов земледелия и животноводства, достигнуть новых рубежей во всех отраслях народного хозяйства, заложить надежную основу для более эффективной и качественной работы в третьем году пятилетки». Слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР приняты украинскими тружениками сельского хозяйства как боевое задание партии. Ударная вахта продолжается.

Фото И. Павленко (ТАСС)

БОРОБОВ УКРАИНЫ

Во время беседы.

Фото Э. Песова (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА США У. БЕРГЕРА

9 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле Председателя Верховного суда США У. Бергера, совершавшего ознакомительную поездку по Советскому Союзу.

В состоявшейся беседе Л. И. Брежнев изложил принципиальный подход Советского Союза к отношениям с США, дал оценку их значению для народов обеих стран и дела укрепления всеобщего мира. Было подчеркнуто, что поступательное развитие этих отношений может быть обеспечено только взаимными усилиями обеих сторон, на основе полно-

го равенства, при строгом соблюдении общепринятых норм международного общения.

Л. И. Брежнев рассказал также о ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР.

Со своей стороны, У. Бергер выразил признательность за возможность совершить интересную поездку в СССР, поблагодарил Л. И. Брежнева за прием и обстоятельную беседу.

В беседе приняли участие Председатель Верховного суда СССР Л. Н. Смирнов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и посол США в СССР М. Тун.

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С К. ВАЛЬДХАЙМОМ

12 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле находившегося в Советском Союзе с официальным визитом генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями по вопросам, связанным с деятельностью Организации Объединенных Наций по поддержанию международного мира и безопасности, а также по некоторым актуальным вопросам международных отношений.

Особое внимание в беседе было уделено необходимости быстрее осуществления эффективных мер по ограничению гонки вооружений и разоружению. При этом были затронуты такие назревшие проблемы, как заключение Всемирного договора о неприменении силы в междуна-

родных отношениях, укрепление режима нераспространения ядерного оружия, полное и всеобщее прекращение испытаний ядерного оружия, отказ от создания новых видов и систем оружия массового уничтожения.

В знак признания последовательной и плодотворной деятельности Л. И. Брежнева на благо всеобщего мира и безопасности народов генеральный секретарь ООН вручил ему Золотую медаль мира Организации Объединенных Наций.

В беседе, проходившей в теплой, дружественной обстановке, приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заместители генерального секретаря ООН А. Н. Шевченко и Р. Гуйер.

Во время беседы.

Фото В. Мاستюкова и Э. Песова (ТАСС)

Торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского.

Фото В. Егорова и А. Конькова
(ТАСС)

ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Жизнь и деятельность Феликса Эдмундовича Дзержинского — пламенного революционера, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, ближайшего соратника и верного ученика великого Ленина — вдохновляющий пример в борьбе за построение коммунистического общества. Столетию со дня рождения замечательного сына Родины было посвящено торжественное собрание, состоявшееся 9 сентября в

Большом театре Союза ССР. Здесь собрались представители трудящихся, ветераны Коммунистической партии, представители партийных, советских и общественных организаций столицы, воины Советской Армии, соратники Ф. Э. Дзержинского.

В президиуме — встреченные бурными, продолжительными аплодисментами товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В.

Гришин, А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, К. В. Русаков.

Собрание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

С докладом «Коммунистическая убежденность — великая сила строителей нового мира» выступил член Политбюро ЦК КПСС, предсе-

датель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Ю. В. Андропов. Доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

Торжественные собрания, посвященные 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского, состоялись также в Ленинграде, Киеве, Минске, Алма-Ате, Вильнюсе, Кишиневе и других городах страны.

БЕЛОЕ ПОЛЕ РЕСПУБЛИКИ

ДНИ
УЗБЕКСКОЙ ССР
НА ВДНХ

Группа передовиков сельского хозяйства Узбекской республики в павильоне, где размещается юбилейная экспозиция республики.

Время было трудное. Банды совершали налеты на кишлаки, перекрывали дороги. Весенним днем девятнадцатого года на селекционной станции Пахталак-Куле — это близ Намангана — поднялась тревога. Только чудо и самоотверженность помогли заведующему станцией Гавриилу Семеновичу Зайцеву укрыть, спасти пакеты с сортовыми семенами хлопчатника, а затем и переправить в Ташкент... И вот экскурсовод павильона, где размещена юбилейная экспозиция Узбекской ССР, Р. Никольская ведет меня краем хлопкового поля, показывает изделия, которые можно получить из хлопка, рассказывает о работах Всесоюзного института селекции и семеноводства хлопчатника, института, который ныне носит имя Г. С. Зайцева...

Знакомлюсь с хлопкоробом, Героем Социалистического Труда Нарбаем Розумбетовым, он рассказывает об Узбекистане, о Каракалпакии, о замечательных людях, вместе с которыми трудится. И разговор словно сам собой снова переходит на ту же тему — о хлопке: «Узбекистан — главная база производства хлопка в нашей стране».

Хлопок республики — ее гордость, ее слава, ее забота. В прошлом году колхозы и совхозы республики сдали государству 5338 тысяч тонн хлопка-сырца.

— План нынешнего года — 5360 тысяч тонн, — замечает Нарбай Розумбетов. — Мы не уйдем с поля, пока не выполним нашего обязательства...

Только что сюда, в павильон,

пришла весть: уборка идет во всех районах республики. Началась она с особым подъемом. Леонид Ильич Брежнев на старте страды с теплым напутствием обратился к Турсунной Ахуновой, Герою Социалистического Труда, бригадире из колхоза имени Кирова, Ташкентской области. Она взялась в год 60-летия Великого Октября обработать 84 гектара и вырастить на каждом из них 60 центнеров хлопка. Своими думами и планами Турсунной поделилась в письме Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу.

Пока мы беседовали в павильоне, сюда позвонили из Ташкента и сообщили: первые тонны собранного хлопка уже отправлены. Куда? На меня смотрят удивленно: дескать, неужели не знаете, что первый хлопок по традиции отправляется ивановским текстильщикам?

Сотни нитей связывают Узбекистан и Ивановскую область. Показывают фотографию — колхоз «Дружба», строительство которого осуществляется ирригаторами республики в Ивановской области, рассказывают о помощи, которую оказывают ивановцы друзьям из солнечной республики...

Советский Узбекистан готовится отпраздновать славное 60-летие Великого Октября. Об этом многогранно и красочно повествует юбилейная экспозиция.

К. КОСТИН
Фото автора.

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ, БОЛЬШАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Владимир НИКОЛАЕВ

С новой надеждой обращают свои мысли и взоры к Организации Объединенных Наций народы мира: в Нью-Йорке открывается XXXII сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Ей предстоит обсудить более ста вопросов. Анализ повестки дня сессии говорит о том, что в нее включены кардинальные проблемы, от решения которых зависит дальнейшее углубление разрядки. Во время официального визита в нашу страну генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко отметил, что ООН стала наиболее представительной и влиятельной международной организацией, на которую народы возлагают большие надежды.

Чем прежде всего определяются авторитет и степень влияния ООН на ход событий в мире? Тем, как она выполняет свою главную задачу, как она содействует поддержанию мира и безопасности, предотвращению новой войны. Народы ждут от ООН активного участия в борьбе за ликвидацию военной опасности и в первую очередь за недопущение ядерной войны.

На протяжении всех тридцати двух лет существования этой всемирной организации Советский Союз, как один из основателей ООН и как один из пяти постоянных членов Совета Безопасности, играл важную роль в ее деятельности. Наша страна настойчиво и последовательно выступает с конкретными инициативами, направленными на укрепление мира и безопасности, обуздание гонки вооружений, достижение всеобщего и полного разоружения. Только за последние годы Советским Союзом внесено на рассмотрение международных органов, других правительств более семидесяти предложений, направленных на обеспечение мира, на разоружение, на разрядку. Эта ленинская политика мирного сосуществования вытекает из самого существа нашего социалистического государства. Л. И. Брежнев в состоявшейся 12 сентября беседе с К. Вальдхаймом подчеркнул неизменную поддержку Советским Союзом усилий Организации Объединенных Наций и ее генерального секретаря, направленных на укрепление международной безопасности и развитие сотрудничества между государствами в соответствии с положениями Устава ООН.

Инициативы, с которыми выступал Советский Союз на протяжении последних лет, занимают центральное место в работе ООН. Среди них такие, как предложение о заключении Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях, как предложения, направленные на запрещение новых видов и новых систем оружия массового уничтожения, химического и бактериологического (биологического) оружия, на полное и всеобщее запрещение испытаний ядерного оружия. Известны усилия нашей страны, направленные на прекращение гонки стратегических ядерных вооружений. Советский Союз выступил с предложением заключить договор о нераспространении ядерного оружия. По инициативе Советского Союза заключен договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах и ряд других международных договоров — двусторонних и многосторонних, направленных на сдерживание гонки ядерных вооружений. Наша страна и ее союзники призвали государства, участвовавшие в общеевропейском совещании, взять на себя обязательство не применять первыми ядерное оружие друг против друга.

Предложения Советского Союза с одобрением встречаются большинством государств — членом ООН. Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм в недавней беседе с корреспондентами ТАСС подчеркнул, что в последние годы наша страна выступила с целым рядом инициатив и что среди них огромное значение имеют предложения в целях обеспечения разоружения и контроля над вооружениями. К. Вальдхайм отметил, что всего год назад Генеральная Ассамблея ООН одобрила конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, проект которой был впервые выдвинут Советским Союзом. К. Вальдхайм в этой беседе также особо отметил, что советское предложение о заключении Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях будет рассматриваться на предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

На днях Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Польша, СССР, Чехословакия совместно выступили в ООН с новыми предложениями. Делегации социалистических стран внесли на рассмотрение подготовительного комитета по созыву специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению два важных документа: «Основные положения Декларации по разоружению» и «Основные положения программы действий по разоружению». Эта специальная сессия должна состояться в 1978 году, и Советский Союз, другие социалистические страны делают все возможное, чтобы обеспечить ее успешную работу. Идея о созыве этого Всемирного форума принадлежит Советскому Союзу, решение о его проведении встретило широкую поддержку во всем мире.

Организация Объединенных Наций и государства — члены ООН могут и должны энергичнее способствовать углублению разрядки. Очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН приобретает еще большее значение в связи с активизацией противников разрядки, в связи с тем, что милитаристские силы на Западе продолжают опасную гонку вооружений, которая и без того достигла колоссального размаха. В этих условиях еще больше возрастает ответственность ООН перед народами мира.

Участники слета.

ЮНО

Марат ЦЕБОВЕВ,
специальный
корреспондент «Огонька».

Фото автора

На площади Ленина в Иванове ветер колышет боевые знамена: крейсера «Авроры», 1-й Конной армии, 4-й Гвардейской танковой армии, знамена, полученные за трудовую доблесть Челябинским тракторным заводом и другими предприятиями.

Здесь проходил VIII Всесоюзный слет победителей похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы. На слет съехались юные патриоты со всех концов страны. Они продемонстрировали верность завоеваниям Октября, поделились опытом оборонно-массовой работы, рассказали о своей деятельности следопытов.

Десятиклассник Андрей Бахвалов приехал из Ленинграда.

— Мы проводим два поиска, — говорит он. —

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков — почетный гость слета.

Ветеран стахановского движения Герой Социалистического Труда М. И. Виноградова и Герой Социалистического Труда Валентина Голубева.

А. Бугайте из Литвы — призер конкурса ткачих.

СТЫ КЛЯНЕТСЯ

Оба связаны с деятельностью В. И. Ленина. Известно, что соратник Владимира Ильича Ленин Н. И. Подвойский около своего дома зарыл важные партийные документы и составил план того места. В 8-м классе мы с товарищами разыскали в архиве этот план. У Подвойского указана улица Полицейская, дача Пето. Улица эта нынче называется Луговой. Начали переписываться с Ольгой Николаевной, дочерью Подвойского, живущей в Москве. Со мной в группе работали Валера Михеенков и Павел Машарин. Руководил нами кандидат исторических наук Г. С. Усыскин. Мы доставали карты и вели съемку местности, наносили нумерацию домов, потом сравнивали со старой картой. Приезжала из Москвы и Ольга Николаевна. Наконец нашли фундамент дома Подвойского. Сейчас ведем раскопки.

А в Выборге мы искали дом А. Г. Шлихтера, в котором была конспиративная квартира. В 1907 году тут побывал Ильич. Нумерация, естественно, изменилась, пришлось опять прибегать к съемке местности. Дом нашли. Помогла и примета — огромный камень, возле которого сфотографирована вся семья Шлихтера. По нашим отчетам и материалам здесь ведутся реставрационные работы.

В приветствии Л. И. Брежнева участникам

слета есть слова: «...приятно сознавать, что комсомольцы, юноши и девушки изучают и сердцем воспринимают героическую историю Коммунистической партии и Советского государства, чтят память павших, окружают заботой ветеранов, семьи погибших воинов, активно участвуют в коммунистическом строительстве».

Одна из участниц слета, ивановская ткачиха Валентина Голубева, работает уже в счет 1981 года. Накануне открытия слета ей вручили Золотую звезду Героя Социалистического Труда. Валентина Голубева решила до 1980 года выполнить три пятилетних задания.

Руководитель делегации Северной Осетии Бела Магмаева рассказала, что школьники села Лескен, Ирафского района, узнали о 17-летнем сыне легендарного героя Чехословакии Людвика Свободы Миреке. Он был связным между подпольными организациями Моравии и геройски погиб.

Пионеры написали письмо генералу. Свобода прислал фотографию сына и ответ. Он писал, что во время войны тысячи патриотов уходили в подполье и партизанские отряды. Умирали в концентрационных лагерях. В ноябре 1941 года члены подпольной организации Кромержижа и Остравы были схвачены. В их

числе был и Мирек. Его подвергли нечеловеческим пыткам. Фашисты хотели узнать о подпольщиках. Подсылали провокаторов. Но патриот молчал. Затем его перевели в тюрьму города Брно, а оттуда в концлагерь Маутхаузен с пометкой на документе: «Возврат не желателен». И вот 7 марта 1942 года в 5 часов утра Мирена вызвали в медпункт. Эсэсовский врач сообщил, что у него туберкулез, и сделал ему бензиновый укол. Мирослав первым из семьи принял смерть во имя освобождения родины.

Каждый год в день гибели Мирослава из Лескена в Прагу летят письма, в которых осетинские школьники пишут, что «хотят быть такими же бесстрашными и мужественными, как славный сын Чехословакии Мирослав Свобода», и что «очень гордятся тем, что в горах Центрального Кавказа существует дружина, имеющая честь носить его имя».

На привокзальной площади в Иванове во время слета торжественно открыли монументальную композицию, посвященную молодым революционеркам текстильного края.

VIII слет отмечен яркими встречами представителей всех республик нашей страны, соревнованиями, конкурсами, военно-спортивными играми.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕ

З

акончился трудовой день. Пришел я домой и, как обычно в эти часы, увидел свою дочь, тогда еще первоклассницу, склонившуюся над тетрадями. Она медленно выводила на ослепительно белом листе бумаги какие-то буквы. Я заглянул через ее плечо. Еще не установившись почерком в тетради было написано короткое слово «мир». Смотрел я, как дочь пишет это слово, и вспоминал другое время, другой город, расположенный за Уральским хребтом, — город, где мы жили с мамой в эвакуации. Однажды там в небольшом зале собрались люди на встречу с участником войны, гремевшей уже где-то далеко на Западе. Я запомнил человека невысокого роста, широкоплечего, с большими, сильными руками, которые с радостью били штурвал трактора или молоток шахтера. Но эти руки держали костыли. Человек был без ног. Жестокая отметина войны.

С волнением глядели на него люди — рабочие тылового города. А у нас, мальчишек, невольно сжимались кулаки от ненависти к врагу, искалечившему солдата. Я запомнил, с какой страстью этот человек со звездой Героя Советского Союза говорил о том, что победа не за горами, и скоро наступит мир, и как хорошо будет жить на мирной земле.

Более тридцати лет прошло с тех пор, а в памяти остался этот солдат на костылях.

Мое поколение выросло в трудное военное время. Мы быстро

повзрослели, войну встретили мальчишками, а День Победы — уже маленькими гражданами, перенесшими наравне со взрослыми все тяготы и лишения. Наши отцы и матери вернули мир советской земле. И мы, те, кто сегодня уже растит своих детей, обязаны помнить об этом. И не только помнить. Наш долг — бороться за мир.

Политику Коммунистической партии единодушно поддерживают все советские люди. Я это остро ощущал и в дни, когда мы, труженики «Звезды», подписыва-

ли за рубежом. Это вполне естественно. Ведь именно советский воин принес мир народам.

У нас трудится моторист К. П. Астапов. Рядом с орденами Красного Знамени и Александра Невского на его груди польский орден «Крест Грюнвальда», рядом с медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда» — польская медаль. Среди моих товарищей немало людей, которые спасали от фашистов чешских, австрийских, венгерских, румынских, немецких детей, которые избавили от гибели французов, американцев, ан-

вызов всему прогрессивному человечеству, приступив к разработке в США нового вида оружия массового уничтожения — нейтронной бомбы.

Надолго сохранилась в моей памяти поездка во Вьетнам и Лаос. Мы видели еще оставшиеся следы войны, развязанной империалистами, видели людей, обожженных напалмом. Помню встречу с мужественными тружениками завода железобетонных конструкций в Ханое. На это предприятие было сброшено 55 авиабомб, а рабочие продолжали выпускать продукцию. Не удалось агрессорам покорить вьетнамский народ, сломить его волю! Интернациональная солидарность советских людей, трудящихся социалистических стран, всех тружеников мира помогла Вьетнаму победить.

Но силы империализма не хотят отступать. Они сбрасывают бомбы на мирные арабские селения, пытаются задушить молодую ангольскую революцию, держат в цепях народы Южной Африки и Южной Кореи.

Война еще жива. Вот почему мы, советские рабочие, обязаны активно бороться за мир.

Для меня высокой честью являлось представлять рабочих Ленинграда в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки. В него входят свыше трехсот советских людей. В их числе известные рабочие, труженики села, крупнейшие деятели науки, искусства, видные писатели, партийные и советские работники. Среди членов комитета летчик-космонавт СССР Г. Титов, народная артистка Грузинской ССР М. Джапаридзе, Герои Социалистического Труда слесарь из Фрунзе Н. Алымбеков, председатель азербайджанского колхоза В. Загидова, токарь из Молдавии В. Иовица, ташкентская работница Р. Курбанова. Люди разных национальностей, разных профессий. И всех их объединяет борьба за мир.

Я был делегатом проходившей в Баку в мае прошлого года IV советской конференции солидар-

ПОМНИТЬ И БОРОТЬСЯ...

ли Стокгольмское воззвание и тем самым говорили «Нет!» гонке вооружений, «Нет!» войне, и в дни работы XVI съезда профсоюзов, делегатом которого я был. Участники этого форума людей труда бурными аплодисментами встретили слова Леонида Ильича Брежнева: «Советский народ ценит миролюбивую политику своей партии. Он готов сделать и делает все для того, чтобы мир стал устойчивым, прочным, надежным. И могу сказать вам, товарищи, что для меня, как и для каждого из нас, коммунистов, которым партия, народ доверили заниматься внешнеполитическими делами страны, нет более высокого долга и нет большего счастья, чем работать во имя этой прекрасной, гуманной цели».

Миролюбивая внешняя политика, которую проводит наша партия, находит горячее одобрение

гличан — узников фашистских лагерей.

Они стоят рядом, эти слова — «СССР» и «мир». Я слышал, как их произносили по-русски рабочие бельгийского города Льежа, где мне довелось побывать в составе делегации ВЦСПС. С кем бы мы ни беседовали, мы чувствовали симпатии, уважение к Советскому Союзу, к его миролюбивой внешней политике. Мы видели, как молодые бельгийцы расклеивали листовки, направленные против гонки вооружений, против НАТО, штаб-квартира которого находится в Брюсселе.

Но мы убедились и в другом: противники разрядки не сложили оружия. Силы империализма и реакции не отказались от своих попыток подавить стремление народов к миру и социальному прогрессу. Более того, они бросили

ВНОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ТАРУ

Более трех месяцев прошло с тех пор, когда был опубликован текст проекта Конституции СССР. Все внимание советских людей приковано к обсуждению проекта, который уже получил все народное одобрение.

На мой взгляд, конец первого абзаца статьи 52 следует дать в следующей редакции: «Возбуждение вражды и ненависти, ведение злостной пропаганды, связанных с религиозными верованиями, запрещается».

В журнале «Огонек» № 30 Д. Меликов из Баку предлагает внести дополнение в статью 67. Мне кажется, что его

дополнение слишком длинно. Я предлагаю следующий текст этой статьи: «Граждане СССР обязаны беречь природу, животный мир, исторические памятники, культурные ценности. Забота о сохранении этих богатств — долг каждого гражданина СССР. Нарушители привлекаются к ответственности по закону».

И еще одно предложение к статье 28. Я участник Великой Отечественной войны, инвалид войны. Как и весь наш советский народ, познал, что такое война. Мы никогда не забудем гибель и увечья, страдания и боль утрат. Наша Советская Родина, наша партия, наш народ всегда боролись только за мир, против войны. Вношу предложение изменить последние строки статьи 28:

«В СССР пропаганда войны запрещена и карается законом».

В. ВОРОБЬЕВ,
плотник, инвалид
Великой Отечественной войны

ПЕТРОЗАВОДСК

Ознакомившись внимательно с проектом новой Конституции, считаю, что проект составлен конкретно и ясно, с учетом всех великих достижений советского народа за 60 лет Советской власти.

КТ КОНСТИТУЦИИ СССР

ности народов Азии и Африки. И вот какое любопытное совпадение. В дни работы конференции в бакинской газете я прочел о встрече боевых однополчан 18-й армии. И в Москве и в Баку в один и тот же день звучали слова о мире. «Наша партия и Советское государство,— говорил на встрече со своими однополчанами товарищ Л. И. Брежнев,— последовательно проводят ленинскую внешнюю политику активной борьбы за мир и обеспечение международной безопасности, за утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, что соответствует духу документов, принятых в Хельсинки».

В Баку я рассказывал делегатам, что рабочие нашего объединения голосуют за мир и солидарность с народами Азии и Африки ударной работой. Почти на всех широтах можно встретить белоснежные крылатые суда, оснащенные мощными дизелями с маркой «Звезды», передвижные дизель-генераторные станции, созданные тружениками нашего объединения, можно увидеть и в зарубежных государствах.

Мы боремся за то, чтобы никогда над нашей планетой не вспыхнула война, никогда наши дети не слышали взрывов бомб и снарядов, не видели горя и слез людей, потерявших близких. Мир — это то, что нужно каждому из нас, чтобы строить, чтобы трудиться, чтобы жить. И вместе с миллионными людьми на Земле мы говорим: «Нет — нейтронной бомбе!»

Великая гордость заполняет сердце, когда вдумываешься в строки проекта Конституции СССР: «Советское государство последовательно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество». Внешняя политика нашего государства выражает самую сокровенную мечту советских людей: мир во всем мире. Об этом говорят мои товарищи на собраниях, посвященных обсуждению проекта новой Консти-

туции СССР. «В СССР пропаганда войны запрещена законом» — эти слова проекта горячо одобряют советские рабочие.

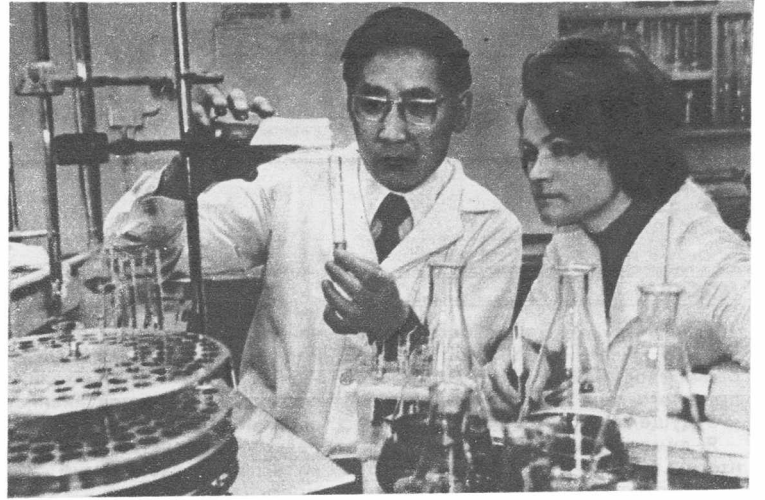
Не так давно в обиход вошло словечко «диссиденты». А иначе говоря, отщепенцы — те, кому не по душе политика нашего государства. Что бы они там ни говорили, эти диссиденты, но в их разглаговольствованиях прежде всего звучит ненависть к нашей политике, к нашей борьбе за мир. И не случайно некоторые из них, оказавшись за рубежом, призывают к войне. Для них нет ничего святого: ни лет, опаленных огнем, ни блокадного хлеба, ни крови, пролитой за мир. К чему бы они ни стремились, эти мудрствующие лукаво «кинакомыслящие», их враждебная деятельность вызывает у нас, прямо скажу, презрение. Эти людишки из-за угла тявкают на нашу власть, на нашу политику.

Мне кажется, что в проект Конституции СССР следовало бы внести определенную статью, запрещающую подобного рода деятельность. В Советском Союзе каждый имеет право «вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе». Каждому дается право выступать с критикой. Но если «критика» касается основы основ нашего строя, нашего государства, то это уже враждебная деятельность, и за нее следует карать.

В проекте следовало бы более широко отразить обязанность граждан СССР бороться за мир, международную безопасность. Это долг каждого из нас, какой бы пост он ни занимал, какую бы работу ни исполнял.

Е. АРТЕМЬЕВ,
бригадир производственного объединения «Звезда»,
Герой Социалистического
Труда, член Советского комитета
солидарности стран Азии
и Африки

Ленинград.

ГАРАНТИРОВАНО КОНСТИТУЦИЕЙ

В статье 26 проекта Конституции записано:

«В соответствии с потребностями общества государство обеспечивает планомерное развитие науки и подготовку научных кадров, организует внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни».

Ускорение научно-технического прогресса — задача, решению которой партия и правительство уделяют огромное внимание. Велик потенциал советской науки, ставшей непосредственной производительной силой развитого социалистического общества.

В нашей стране

1 миллион 254 тысячи научных работников.

Более 45 тысяч новых машин, видов оборудования, приборов создано за послед-

нее десятилетие научно-исследовательскими институтами и конструкторскими организациями.

Каждый четвертый ученый мира — гражданин СССР.

55 700 аспирантов готовятся к защите научных диссертаций. **1200 проблемных и отраслевых лабораторий** действуют в советских высших учебных заведениях.

За последние годы родились новые формы взаимосвязи науки и производства: в большинстве отраслей народного хозяйства созданы научно-производственные объединения.

На снимке: лаборатория белка и нуклеиновых кислот в Институте биологии Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. Заведующий лабораторией кандидат биологических наук Василий Алексеев и лаборантка Татьяна Щербанова.

Фото В. Яновлева (ТАСС)

Я коммунист с 1939 года, участник Великой Отечественной войны с первого дня. Горячо одобряю и поддерживаю проект Конституции. Хочу высказать свое мнение по поводу предложения профессора Е. Б. Красовского, помещенного в журнале «Огонек» № 32. По-моему, Е. Б. Красовский неправ, когда предлагает в статье 49 слова: «Преследование за критику запрещается», заменить на: «Гонение за критику преследуется по закону».

Считаю, что формулировка в проекте более правильная.

Во-вторых, предлагаю в той же статье 49 после слов: «Давать на них ответы и принимать необходимые меры», доба-

вить: «Невыполнение их строго наказуется по закону».

А. МИТРОФАНОВ,
инженер-архитектор,
член Союза архитекторов СССР

ВИННИЦКАЯ ОБЛАСТЬ

Проект новой Конституции СССР поражает глубиной и грандиозностью научной мысли. Каждая строка отображает и то, чего мы достигли за годы Советской власти и к чему стремимся.

Но мне хочется высказать свои соображения по поводу статьи 43 о праве на материальное обеспечение в старости. Для получения пенсии нужно 20—25

лет трудового стажа, а ведь многие работают значительно дольше. А пенсию и те и другие получают одинаковую. Чтобы этой уравниловки не было, лучше бы начислять пенсию по возрасту пропорционально трудовому стажу. Вот и получится: отработал для общества больше, больше получишь, работал 15—20 лет, соответственно и пенсию начислять. Поэтому статью 43 проекта «Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости...» предлагаю дополнить словами: «соответственно внесенному общественно полезному труду...» и далее по тексту.

Т. ДЗЮБА,
учительница Грановской средней школы.

ВНОСУ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

УСПЕХ, ЕГО СЕКРЕТЫ

МОСКВА

Классическая музыка бессмертна, она живет и будет жить, сохраняя творения великих мастеров прошлого как вечное обращение к будущему.

Я думаю об этом, вспоминая итоги первого Международного конкурса пианистов, состоявшегося недавно в Сиднее. Мне как члену жюри хочется с чувством особой гордости отметить выдающиеся достижения советской музыкальной школы. Восторженные отзывы прессы засвидетельствовали высокое мастерство советских артистов, замечательную технику исполнения, глубокое и вдумчивое проникновение в авторский замысел.

Не могу не отметить превосходную интерпретацию Чайковского, Равеля и Гайдна лауреата первой премии Ирины Плотниковой; вторую премию завоевала Светлана Навасардян, чья яркая творческая индивидуальность проявилась в замечательном исполнении произведений Баха и Брамса. Шестой награды удостоена Манана Доиджашвили, тонкое и лирическое мастерство которой сказалось в оригинальной трактовке Шопена и Дебюсси.

Три премии из шести возможных: что это — счастливая случайность, редкостное везение?.. Ведь трудности, с которыми столкнулись наши исполнители, были очень велики: сорок пианистов из восемнадцати стран оспаривали пальму первенства, среди них — музыканты, увенчанные лаврами предыдущих побед.

На пресс-конференциях меня не раз спрашивали: «Чем же объясняется этот ошеломляющий успех советских представителей?»

Однозначно ответить на простой, кажется, вопрос невозможно. Поскольку действительно трудно «разгадать» с первого взгляда, в чем же он, секрет мастерства. В глубинных ли тайниках по-прежнему «загадочной» для кого-то русской души, в «божественном» озарении музыкального экстаза? Все эти мистические домыслы сводят на нет коренные социальные отличия советской музыкальной культуры, тогда как в них-то и следует искать ключ к разрешению подобных вопросов.

И сегодня, в дни всенародного обсуждения проекта Конституции СССР, мне хотелось бы еще раз обратиться к третьей главе — «Социальное развитие и культура», имеющей непосредственное отно-

шение к развитию профессионального искусства.

Многие и многие успехи давно уже вывели советскую исполнительскую школу на первое место в мире. И это не случайность, а результат общенародного музыкального образования.

В нашей стране насчитывается более пяти тысяч музыкальных школ. Около миллиона одаренных мальчиков и девочек проходят полный курс теоретических и практических дисциплин, чтобы позднее выйти на широкую дорогу профессионального мастерства. При таком всестороннем охвате, когда даже небольшой город имеет музыкальное училище, таланты молодежи раскрываются с необыкновенной полнотой. Не какие-то сверхъестественные дарования, а именно возможность проявления таланта, развитие всех человеческих способностей — вот что является итогом наших общественных, социальных завоеваний в искусстве.

Я уже не говорю о самодеятельности, объединяющей миллионы людей в танцевальных, хоровых, драматических кружках и студиях. Чуть ли не каждая фабрика, завод создают свои творческие коллективы, причем многим по праву присвоено звание народных. И сколько больших имен, выдающихся артистов вышло из рядов художественной самодеятельности. В статье 46 говорится: «Граждане СССР имеют право на пользование достижениями культуры. Это право обеспечивается... развитием и равномерным размещением культурно-просветительных учреждений на территории страны». Бесплатное пользование клубами, прекрасно оборудованные залы домов культуры — этого никогда не встретишь в буржуазных странах...

В 1971 году, выступая в Австралии, я посетил великолепное здание Опера-Хауса: последние новинки архитектуры, чудеса акустики, ультрасовременное оформление зрительного зала... Но за билет на спектакль с участием суперзвезды певицы Джоан Сазерленд надо заплатить 42 доллара... И сразу же вспоминаешь Москву, оживленную толпу у входа в Большой театр, ажиотаж вокруг «лиш-

них билетиков». Но если не в партер, то уж на галерку-то студент наверняка попадет за мизерную, по существу, плату.

Существенно отличается от западной и наша система преподавания. Так повелось за границей, что концертирующий музыкант, как правило, уклоняется от педагогической деятельности.

Сто десять лет существует Московская консерватория. От Чайковского и Рубинштейна до Оборина, Софроницкого, Флиера, Нейгауза — все наши крупные музыканты, а я говорю только о фортепианном факультете, передавали и передают свой опыт и мастерство молодым. Исполнители высшего класса находятся в постоянном творческом контакте со своими воспитанниками.

Да и самый педагогический процесс... Количество студентов, проходящих курс в классе любого нашего профессора, чаще всего не превышает семи-девяти человек, по западным же нормативам группа из двадцати-тридцати студентов считается общепринятой. Стоит ли говорить о плате, чрезмерно высокой, за обучение...

Иное положение у нас. «Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для развития и применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований...» Эти слова, вошедшие в проект Основного Закона нашей жизни, близки и дороги и всем нам, преподавателям Московской консерватории. Руководствуясь коммунистическим принципом «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», направленным на формирование всесторонне развитой личности, мы стремимся не только повышать профессиональный уровень наших выпускников, но и воспитать в них гражданское самосознание, чувство личной ответственности перед временем и людьми. Перед всем советским народом.

Сергей ДОРЕНСКИЙ,
заслуженный артист РСФСР,
лауреат
международных конкурсов,
доцент
Московской консерватории

ПОНИМАТЬ СВОЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ЗАПОРОЖЬЕ

Мне хочется на личном примере показать, как воплощаются в жизнь включенные в проект Основного Закона статьи о правах и обязанностях граждан СССР. В главе третьей статья 20 гласит: «В соответствии с коммунистическим идеалом: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для развития и применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности».

Я в 1968 году окончил десятилетку. Передо мной не было проблем, куда приложить свои способности и знания. Я пошел работать на завод «Днепроспецсталь». Коллектив металлургов стал для меня вторым домом, воспитателем и наставником. В течение года

я работал учеником в прокатном цехе. Потом был призван в армию, а окончив службу, вернулся в родной коллектив. Стал работать подручным сталевара. Полностью мне огненная профессия, требующая не только сил и ловкости, но и настойчивости, больших знаний, умения покорять огнедышащий металл. Должен сказать, что мне очень повезло: я попал в бригаду замечательного человека, влюбленного в свою работу, кавалера многих орденов, делегата XXV съезда Коммунистической партии Украины, члена обкома партии Константина Григорьевича Козленко. Он отдает много сил и энергии для воспитания молодежи, учит своих подручных мастерству, является новатором, борется за все прогрессивное. И нам, его помощникам, он всегда говорит: «Чтобы идти в ногу со временем, не отставать, всегда надо смотреть вперед, быть инициативным во всем». Мы

следуем этому наказу не только в работе, а стремимся быть такими, как наш учитель, в общественной жизни и в быту. В бригаде Константина Григорьевича я вырос от третьего до первого подручного. А сейчас почти уже два года как работаю сталеваром и руковожу бригадой. На эту должность меня выдвинул наш бригадир. И теперь, работая с Константином Григорьевичем в одной смене, я очень часто обращаюсь к нему за советом, помощью. Он всегда стремится помочь мне. Товарищество, взаимоуважение — вот закон нашей дружбы.

Бригада, которой я стал руководить в десятой пятилетке, выполняет принятые обязательства.

Еще работая в бригаде К. Г. Козленко, я стал коммунистом. Рекомендацию мне давал мой учитель и наставник.

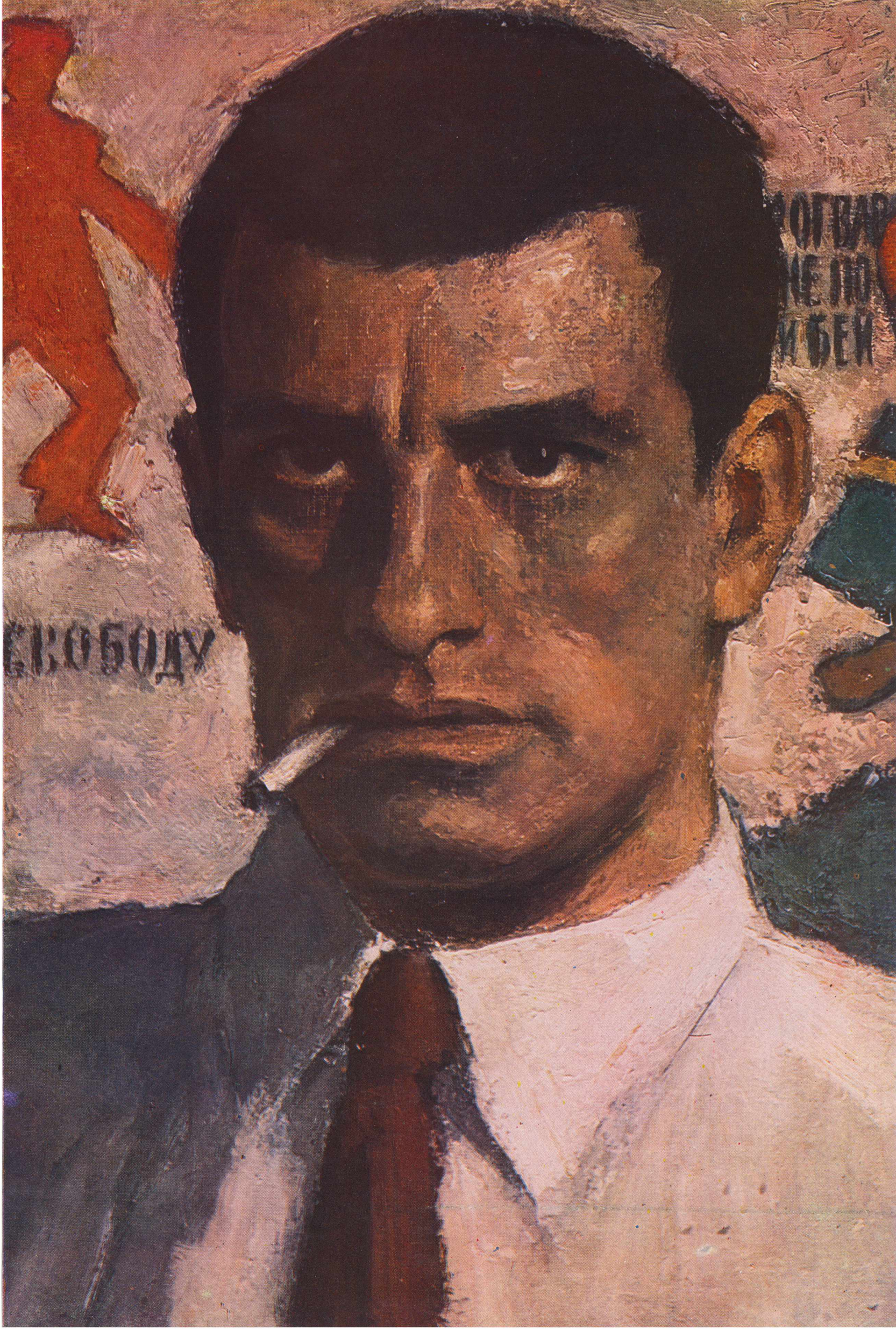
Теперь я уже сам наставник. Таков путь молодых. Я понимаю

всю свою ответственность коммуниста перед партией, перед советским народом. Приложу все силы, опыт и знания, чтобы успешнее справиться с задачами, стоящими перед коллективом бригады. В связи с этим мне особенно хочется подчеркнуть важность статьи 60 проекта Конституции, в которой говорится: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, строгое соблюдение трудовой и производственной дисциплины». К этому бы я добавил: «Всякое уклонение от работы и нарушение трудовой дисциплины строго наказуемы».

Леонид СПИРИДОНОВ,
сталевар
электрометаллургического
завода
«Днепроспецсталь»

Н. Соколов. Род. 1903. ПОРТРЕТ В. В. МАЯКОВСКОГО. 1968—1970.

Государственный музей В. В. Маяковского. Москва.
Всесоюзная художественная выставка «Советский портрет».

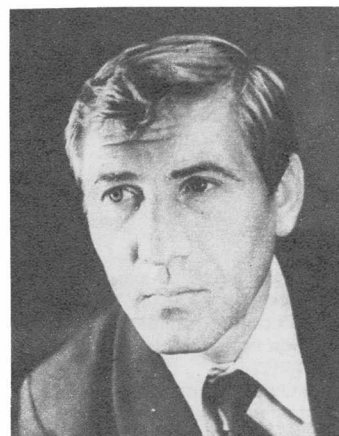

С. Малютин. 1859—1937. ПАРТИЗАН. 1934.

Центральный музей Вооруженных Сил СССР.
Всесоюзная художественная выставка «Советский портрет».

Огонь живой души

Игорь ЛЯПИН

Хвалу огню воздаст и дровосек,
И жнец, и пахарь, и пожарник тоже.
Огонь ни злым, ни добрым быть не может.
Огонь, он что? Огонь не человек.

Зажглось — и заплясали языки,
Задуло — и погасли, как пропали.
Но предки наши искры высекали
И бережно хранили угольки.

И в той еще прадедовской глуши
Дымами деревеньки поднимались.
О, как они всегда переключались —
Огонь в печи с огнем живой души.

Мужик не отрывался от сохи.
Умел терпеть, но в час его возмездья
На барские высокие поместья
Те красные взлетали петухи.

Мне санитарный видится вагон,
И, черный от огня порохового,
В нем командир орудья боевого
Кричит в бреду: — Огонь! Огонь! Огонь!

Пусть ваша ноша нынче не легка
И на душе пускай такая морось,
Но кто же не откликнется на голос:
— Товарищ, не найдется огонька?

Это было мне, как награда,
За томительно дальний путь,—
У ковровщицы Ашхабада
На работу ее взглянуть.

И казалось, что первым делом,
Что за сердце меня возьмет,
Будет девушка в белом-белом,—
Тянет ниточку и поет.

Вот уж песня узором стала,
Вот костер, вот ночная мгла,
Вот сидят чабаны устало,
И отара вокруг легла.

И замру от волненья весь я,
Мастерица поднимет взор,—
Оборвется и нить и песня,
И цветет перед ней ковер...

А случилось совсем не это,
Все случилось наоборот.
И не белого платье цвета,
И ковровщица не поет.

На усталом лице забота,
И ее не смахнуть рукой.
Просто женщина за работой
За любимой, но за такой,

Что отдачи требует строго,
Ломит руки, слезит глаза.
И вплетает она до срока
Нити белые в волоса.

А ковер только начат, начат.
Будет пышен ковер, богат.
И узор его будет значить —
Напряжение и талант.

Я слышал, как сказал один поэт,
Янтарной стопкой малость вдохновившись
И к юным дарованиям наклонившись:
— Поэтов интересных нынче нет.

С отеческой заботой в очах
Он говорил, слова подать умея,
Себя в виду, конечно, не имея,
Что стих сегодня ужас как зачах.

Он никого за сердце не берет.
Поэт вздыхал, как подобает мэтрам.
И дарования юные при этом
Галчонками ему смотрели в рот.

Я знал его, и знал немало лет.
Он спор любой, бывало, подытожит:
— Поэт неинтересным быть не может,
Неинтересный — значит, не поэт.

Я думал: что же с ним произошло,
В каком он испытанье надломился?
Ведь он горел, а тут вдруг задымился,
И было на душе нехорошо.

Какой беды лежит на нем печать,
С какими раздружил он друзьями,
Что видит мир недобрыми глазами
И доброго не хочет замечать?

Я полон был сомнений и тревог.
Я думал о глазах его горящих,
О мальчиках, сегодня с ним сидящих,
И о себе не думать тут не мог.

И пусть не мил мне станет белый свет,
Пускай меня в дугу согнет усталость,
Не дай лишь бог, чтоб с языка сорвалось:
— Поэтов интересных нынче нет.

Он был немолод, мягко говоря.
По-стариковски взял меня за плечи,
Он вдруг сказал: — Послушай, человек,
Не кипятись ты в этой жизни зря.

Нам кажется, что края нету ей,
Пока ты молод и при доброй силе.
А я уже одной ногой в могиле,
И вот сижу, как старый воробей.

Тебе-то до вечерней до зари
Еще идти, смотреть светло и ясно.
Но силу не растрачивай напрасно
Да и хорошим словом не сори.

Иначе оглянешься в поздний срок,
А ничего-то и не вышло толком.
Всю жизнь кипел — и попусту, и только
Спохватись — ведь сколько сделать мог.

Мы с ним сидим одни у костерка.
Мы на рыбалке, нам сидеть до зорьки.
Вот песня донеслась издали.
Вот простучали шустрые моторки.

Мне кажется, он это говорит,
Как будто сам не так, как нужно, прожил.
И думает: пусть тот, кто помоложе,
Моих ошибок да не повторит.

А в жизни он дай боже повидал.
Прошедший сквозь такие канонады,

Что если он наденет все награды,—
Как бронзовый, хоть ставь на пьедестал.

Послышался ленивый плеск весла.
Он вслушался, как будто озадачен:
— И за себя умеи стоять, иначе,
Как говорят, табак твои дела.

И думал я о жизни о своей,
И о прошедшем, и о том, что будет.
Какие удивительные люди
Встречались и встречаются мне в ней!

Я жил в обсерватории, когда
Ученые друг друга поздравляли
И важное значение придавали,
Что вот открыта новая звезда.

Мне так хотелось гордость их понять
И думалось: скажите вы на милость,
Вокруг ведь ничего не изменилось,
Чтоб стоило вот эдак ликовать.

На небе точка малая еще.
Вот Млечный Путь, конечно, поражает,
А от того, что там она мерцает,
Не холодно ничуть, не горячо.

И вдруг: — А вы представить бы могли,—
Сказал профессор с видом полководца,—
Что эта точка много больше Солнца,
Не то что нашей матушки Земли?

Он руку тряс коллеге: — Вот она,
Твоя звезда, твоя, мой друг, орбита...
Как будто это другом не открыта
Звезда, а уж буквально зажжена.

Я страсти к астрономии не знал,
Да и теперь я ею не отмечен.
Но, видя, как их праздник человечен,
Я тоже им гордиться начинал.

И пусть горит он, ясный свет труда,
Летят лучи в космические дали.
О, если б люди только зажигали
И не гасили звезды никогда!

Ты все нежнее, все красивей.
И все трудней переживать,
Что я бессилен, я бессилен
Одной тебе принадлежать.

И что тут скажешь в оправданье
На горький ласковый упрек.
Они и будут, расставанья,
На малый срок, на долгий срок.

Мне их ветрами, их дождями
И тяготиться и дышать.
При встречах даже между нами
Их тени будут возникать.

А я лечу, опять желая,
Повинно став перед тобой,
Сказать: — Любимая, родная,
Я только твой, я только твой.

Судьбой моей, душою властвуй.
Но взгляды встретились едва,

Я говорю: — Родная, здравствуй...
И все, и кончились слова.

И ясно мне под этим гнетом,
Что я, как прежде, и теперь
Принадлежу делам, заботам,
Дождям, и вьюгам, и тебе.

Кромка берега. Плечи, пляжи,
Бесконечно пестрит в глазах.
Разомлевшее солнце пляшет
На качающихся волнах.

Здесь все дышат ветра — не дуют,
Воздух пьешь, как цветочный мед.
Кромка берега. Я другую
Знаю кромку. Там лед и лед.

Он стоит долгодневным маем
И в июнь идет за волной.
Называется он припаем,
Называется он шугой.

Это так далеко от Ялты.
Прямо в душу свистят ветра,
Там не встретишь красивой яхты —
Все дозорные катера.

Искрометные, огневые
И накрытые вдруг волной —
Безымянные рядовые
Жесткой службы сторожевой.

Не увидишь там даже сейнер,
Только волны — вблизи, вдали.
Край он наш, только самый север.
Дальний край — просто край земли.

Он все берегом грезил, все берегом
В черных безднах свирепой воды.
Рвали снасти над Витусом Берингом
Роковые удары беды.

Верить не во что. Нечем утешиться.
Холод. Мор. Безысходность гнетет.
Еле держится Беринг, но держится
И команде пропасть не дает.

А вокруг умиравшие бредили.
Кто покрепче — держались едва.
Может, лучше б они не заметили,
Как возникли вдали острова.

Как ликует матрос опрометчиво,
Мол, и кров тут и пищу найдем.
Командор-то глядит недоверчиво:
— Здесь не выжить, совсем пропадем.

Он твердит: зимовать тут не следует.
Но, вконец выбиваясь из сил,
Угрожает команда и требует,
Умоляет, — и он уступил.

Уступил и, уже умирающий,
Смотрит он, как от стужи, цинги
Умирают матросы, товарищи.
Ты восстань, командор, помоги!

Столько вынес он, столько он выдюжил.
И себе до конца не прощал,
Что в такую минуту не выдержал.
Раз поддался судьбе — и пропал.

Все тягостней тумана пелена.
Маяк ослеп, и не помощник компас.
Корабль идет на голос ревуна,
Как человек на человеческий голос.

Поглядывают вдаль портовики.
А дали нет — проглочена туманом.
Но, слышите, — гудки, гудки, гудки,
Идут братки, хоть и на самом малом.

Труби, ревун, и горе — не беда.
Ребята возвращаются к любимым.
А это очень здорово, когда
Твой голос может быть необходимым.

ГЛАШАТАЙ Т

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МУХТАРА АУЭЗОВА

З. КЕДРИНА

К

ультура некогда кочевого казахского народа, разрушенная в далеком прошлом нашествиями Чингисхана и джунгар, пришла к Октябрю словно бы в зачаточном состоянии. Но интерес к ней возник в России еще со времен Белинского. Немногочисленные образованные казахи уже тогда просили не заслонять от их народа «солнца русского просвещения». И не случайно лучшие люди русского общества — Пушкин, Лев Толстой, Достоевский, русские революционные демократы — проявляли глубокий интерес к жизни казахского народа, а Тарас Шевченко и В. Даль создали ряд произведений, ему посвященных.

Никогда не переставала существовать культура этого талантливого народа — философа и песнотворца. Затоптанная ордами завоевателей, она ушла в фольклор, оплодотворив его многовековым поэтическим опытом древности. В устах народа продолжала жить не только общевосточная художественная традиция (поэзия Фирдоуси, Рудаки, Навои), обрстая новы-

ми вариантами и толкованиями. Народ творил свою проникновенную лирику, выдвигал своих акынов, сказителей, композиторов, которые, зачастую не зная грамоты, создавали произведения, ныне вошедшие в сокровищницу мирового искусства. Достаточно назвать имена поэта-бунтаря Махамбета Утемисова, композитора Курмангазы Сагырбаева или Джамбула Джабаева, чтобы искусство казахов предстало перед нами в своем неповторимом своеобразии.

Деятельный XIX век отмечен появлением казахских просветителей: великого поэта Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова, прославленного путешественника, географа и публициста, Ибрая Алтынсарина, выдающегося педагога, ставшего также зачинателем казахской художественной прозы. А первая четверть двадцатого века дала жизнь произведениям поэтов и писателей, продолживших традиции казахского просветительства: Султанмахмута Торайгырова, Сабита Донентаева, Испандияра Кубеева, публициста Мухамеджана Сералина.

Величие дела Мухтара Ауэзова заключается в том, что он пришел в советскую многонациональную литературу не просто убежденным сторонником русской литературной традиции, но принес с собой и возрожденные советским строем, обновленные влиянием социалистического культуры художественные ценности своего народа.

Глубокий реалист и последовательный интернационалист, рано овладевший диалектикой взаимопроникновения национального и интернационального как основой метода новой единой многонациональной литературы социалистического реализма, Мухтар Ауэзов был под-

ВОРЧЕСКОГО БРАТСТВА

готовлен к высокой миссии одного из зачинателей советского искусства обстоятельствами своей незаурядной биографии; он сам говорил о себе, что за одну свою жизнь прошел три социальные формации.

Ауэзов родился в 1897 году и воспитывался в семье своего деда Ауэза, близкого друга и родственника Абая Кунанбаева. Будучи уже взрослым, он смутно припоминал, как во время перекочевки попал в аул Абая и некий «толстый дядя» держал его, семилетнего мальчика, на коленях, — это и был Абай. Грамоте Мухтара учил дед Ауэз по толстой рукописной книге стихов Абая, и мальчик впервые узнал имена Пушкина, Лермонтова, Онегина и Татьяны из своеобразного этого «букваря», включавшего в себя абаяевские переводы русской классики. Следуя завету Абая, учиться Мухтара отдали в русскую школу.

В 1915 году Ауэзов окончил учительскую семинарию, а уже после революции — филологический факультет Ленинградского университета и аспирантуру в Ташкенте, став со временем профессором литературы и академиком Академии наук Казахской ССР (кстати сказать, он был одним из основателей этой академии).

«Кровный сын кочевой степи Мухтар Ауэзов вырос в писателя и ученого всесоюзного и мирового звучания, — отмечал критик К. Зелинский. — И в его судьбе отразилось мировое значение нашей пролетарской социалистической революции. Он сам стал зовущим знаком, живым символом для интеллигенции просыпающихся народов Ближнего Востока, Индии, Африки».

Если с высоты шестидесятилетия Октября окинуть мысленным взором жизненный путь Мухтара Ауэзова, он видится многотрудным, но отчетливо устремленным в коммунистическое будущее.

Развенчание феодально-родового уклада, мешавшего построению новой жизни, становится главной задачей писателя с первых его произведений. В 1917 году он на основе народной легенды XVIII века пишет пьесу, которая явилась и первой казахской пьесой вообще. Романтическая драма «Енлик-Кебек» рисует любовь и гибель юноши и девушки, вступивших в брак вопреки законам шариата и казненных по приговору родового суда старейшин. «Святой» предок рода тобыкты (к которому принадлежал и сам Ауэзов) изображен в этой пьесе как продажный и бессердечный человек.

А в первом рассказе Мухтара Ауэзова, «Сиротская доля», созданном в 1921 году писателем, работавшим тогда в Семипалатинском губисполкоме, в результате поездки по аулам, повествуется уже о феодале современном, о волостном управителе, который похода губит осиротевших женщин, ожидавших от него помощи и защиты. Рассказ совсем молодого писателя потрясает своей художественной силой.

Среди сочинений Ауэзова 20—30-х годов выделяются две повести, знаменующие собой углубление реализма в его творчестве: «Выстрел на перевале» и «Лихая година».

«Выстрел на перевале» рисует стихийный протест батрака Бахтыгула, по воле бая ставшего конокрадом и преданного хозяином, когда батрак стал ему не нужен и не удобен. Только в тюрьме, куда попал Бахтыгул, застреливший бая-предателя, открыл бедняку свет будущего русский революционер. «Лихая година» — первая в казахской литературе историческая повесть — посвящена антицаристскому восстанию 1916 года, вызванному указом о «реквизиции инородцев» на тыловые работы; это восстание было в Средней Азии преддверием битвы с самодержавием. Повесть основана на историческом материале и с истинной силой социалистического реализма

раскрывает процесс пробуждения классового самосознания, а затем и революционной активности у людей «смирного» казахского рода «албан». В повести мы находим образец создания характера массового героя, — цель, которой задавалась в ту пору и русская советская литература.

Важное место в творчестве Ауэзова занимают темы борьбы против буржуазного национализма. В таких его рассказах, как «Учелый гражданин», «Женитьба», «Многоликий Хасен», действует интеллигент, маскирующийся под советского служащего, активиста и носителя новой культуры, а на деле оборачивающийся байским последышем, врагом нового строя.

В драме «Зарницы», органически связанной идеей и материалом с повестью «Лихая година», руководитель повстанцев Жантас и его враги, бай и националисты в лице Керима, сталкиваются в сложной борьбе. Здесь интересен образ аульного учителя Сафы, который искренне ищет достойного места в схватке, колеблется между двумя лагерями, но в конце концов примыкает к восставшим.

Параллельно с художественным творчеством, пролагая новые пути молодой казахской литературы, Мухтар Ауэзов всю жизнь ведет научно-исследовательскую теоретическую работу, которая развивает и подкрепляет и его писательские искания. Принципиальное значение, и не для одной только казахской литературы, имеют труды Ауэзова в области фольклора, исследования русско-казахских и общесоюзных взаимосвязей и главное — собиранье и изучение творчества основоположника казахской письменной поэзии Абая Кунанбаева, положившее начало новой отрасли литературной науки — абаяведения — и ставшее документальной основой главной книги Мухтара Ауэзова «Путь Абая».

Все, над чем трудился писатель в течение своей сознательной жизни, оказалось подготовкой и материалом для создания этой книги. Писал ли он (по его собственному признанию, не без влияния Джека Лондона) историю степного волка, так и не прижившегося в ауле, — «Серый Лютый», или горестную жизнь бунтаря Бахтыгула, переводил ли на казахский язык «Дворянское гнездо» или осмысливал в научном исследовании значение Пушкина и Белинского для развития казахской литературы; рисовал ли жалкий конец батраков, убивающих друг друга из-за байского скота, или безотрадную участь девушки, проданной в младшие жены богатому старику, — все это становилось идейно-творческими предпосылками либо фрагментами и мотивами для широчайшего полотна народной жизни, воспроизведенной в получившей мировой резонанс эпопее «Путь Абая».

Начатое художником в конце тридцатых годов и завершенное в середине пятидесятых, четырехчастное это повествование вместило в себя историю и философию народа, раскрыло его тяжелое прошлое, определило задачи настоящего, осветило перспективы. Не случайно типическим национальным характером и властителем дум становится поэт-гуманист, последователь русской классики, друг ссыльных русских революционеров Абай: долгие века лишенный письменности, книг и газет, казак-кочевник находил в поэзии и философию и политическую трибуну.

Эпопея «Путь Абая» недаром была названа академиком Сатпаевым энциклопедией, по которой многие поколения будут изучать не только литературу, но и этнографию, историю и экономику кочевого общества прошлого века.

Глубоко обоснованная научно, эпопея Мухтара Ауэзова является одним из выдающихся художественных созданий социалистического реализма. Семейно-бытовой роман, рисующий

судьбы людей с их высокими и низкими страстями, с любовью и ненавистью, добром и злом, под пером художника претворяется в историко-социальное повествование, изображающее движение истории из мрака феодально-родового строя к заре всечеловеческого будущего.

Переведенный более чем на тридцать иностранных языков, отмеченный Ленинской и Государственной премиями, роман М. Ауэзова оценен прогрессивной зарубежной критикой как высокохудожественное произведение, открывающее читателям целый мир, ранее неизвестный, и заставляющее почувствовать себя участником жизни степи, принять и полюбить ее.

Роман-эпопея М. Ауэзова должен был стать началом задуманной писателем большой серии из семи романов, посвященной историческому пути казахского народа — от феодального кочевья до строительства коммунизма.

Увлеченный жизнью сегодняшнего Казахстана, он начал работу над романом о современности — «Племя младое». Его новый роман был не просто творческим актом художника, — его питали и непосредственные дела депутата, который, общаясь со своими избирателями, жил их жизнью, их делами, нуждами и волнениями.

Центральная тема романа — борьба с пережитками патриархальных отношений в быту, экономике и сознании людей. Оба плана книги, бытовой и общественно-трудовой, посвящены этой борьбе, объемлющей все стороны жизни нового, «племени младого», которое должно жить иначе, чем его деды — лучше, чище, счастливее.

«Один из главных моих героев — первый секретарь обкома, русский коммунист-ленинец... — писал М. Ауэзов. — Мой герой — человек высокого интеллекта, носитель русской культуры... Всего себя он посвящает тому, чтобы людям жилось лучше, чтобы люди становились выше, чище, душевно тоньше. Словом, это человек партии...»

В образе Нила Карпова, центральном в романе «Племя младое», так же, как в образе Абая, много личного, близкого самому писателю. В речах и делах Карпова мы узнаем многое из того, к чему страстно призывал депутат М. Ауэзов.

Претворивший в своем искусстве высокие традиции казахской, русской, советской и мировой реалистической классики, Мухтар Ауэзов оставил после себя обильные всходы нового в родной литературе. Высоко несет его знамя племя младое, представленное такими писателями, как Абдижамил Нурпеисов, Тахави Ахтанов, Ануар Алимжанов, Санн Муратбеков, Сатимжан Санбаев, Дуkenбай Досжанов, Абиш Кекильбаев и многие другие.

Ауэзов мучим был вопросом, которым задавались многие художники, он не отделяет себя от Абая, который в конце эпопеи горестно размышляет о судьбе своих творческих исканий, мысленно видя себя могучим чинаром, поверженным бурей.

«Пусть я умру, но останется ли жить потомство мое? Взошла ли юная поросль от семян моих, которые ежегодно уносил ветер? Хоть одно из них прорастет ли на дне оврага, потянется ли к небу молодое своей вершиной, и когда придет срок, отдаст ли земле плоды свои?»

Обильные плоды дал неустанный, подвижнический труд Мухтара Ауэзова, воплощенный в произведениях многонациональной советской литературы, в трудах научно-исследовательского института литературы и искусства Академии наук Казахской ССР, в постановках Казахского академического театра драмы (институт и театр носят имя Ауэзова), а главное — в сердцах его многомиллионных читателей.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕ

Е. ДЕВЯТИСИЛЬНЫЙ,
старший научный сотрудник
научно-экспериментального
хозяйства «Снегири»

Я

с интересом читал серию очерков «Огонька» о Нечерноземье. Тема актуальная. Будет она актуальной и в ближайшие годы, в которые предстоит осуществить планы, намеченные XXV съездом КПСС. Авторы, рассказавшие на страницах журнала, каким быть Нечерноземью, справедливо отмечали усилия по научной организации труда на обновленных (мелиорированных) землях, приветствовали социально-экономические перемены на селе. Затронуты и спорные вопросы, в частности, касающиеся архитектурного облика новых поселков.

Я экономист, и подход у меня к решению любых проблем экономический. Но и нам, экономистам, ничто человеческое не чуждо. Поэтому я уж сначала — о быте и бытии в деревне ближайшего будущего. Так вот прежде всего останется ли она деревней в извечном смысле этого слова? Нет, конечно. Но обязательно ли новому поселку иметь одиноко стоящие многоэтажные башни, эти дома-ульи с довольно тесными квартирами? Думаю, что не все так называемые городские нормы бытия хороши для жизни в сельском районе, пусть даже с производством, близким к индустриальному. Дома-башни в общем-то скорее решают сугубо архитектурные задачи, и не они приблизят село к городу. Сближать надо меру социальных услуг, сферы обслуживания населения. Надо ломать только то, что мешает духовному развитию и удовлетворению профессиональных, культурных, спортивных потребностей гармонично развивающейся личности. А не вводить городские нормы жилья вместе с сегодняшними городскими неудобствами. Вовсе не в этом суть сселения, не в этом суть широкой программы преобразования зоны Нечерноземья, намеченной XXV съездом партии.

Прекрасные особенности обитания в деревне должно сохранить! Несомненно, здесь будет все больше машин и механизмов, а людей в сельскохозяйственном производстве, само собой, ожидается все меньше и меньше. Так пусть это технически вооруженное «меньшинство» живет по-сельски вольготно и в домах, разбросанных среди цветников и садов. Не на балконе надо выходить земледельцу, доярке, врачу, экономисту, инженеру ранним росным утром, а в сад! В сад, тобою посаженный и твоими детьми ухоженный. В мир пчел и птиц. А удобно ли жить половине села в одном многоквартирном доме? Я такие примеры знаю. Дело не в стойких запахах навоза или солянки, но в разном ритме жизни населяющих многоэтажку: доярка, механик, счетовод — у всех режим дня различный.

Уверен, что мы живем в период осуществления плодотворных возможностей духовного общения между городом и селом, их взаимо-

обогащения. Но прелесть еще и в том, что я в отличие от горожанина люблю часы, проведенные в саду, на своем участке, прекрасном в любую пору года. И на селе у меня такая возможность есть! Конечно, при условии, если я живу не на пятом — девятом этаже, а в коттедже или в доме на две—четыре семьи, не больше. Пусть дом этот будет даже двухэтажным или квартира в двух уровнях, зато обретен радость час-другой поработать физически на земле. Говорят, подземные коммуникации растянутся, а это, мол, удорожит строительство. Сегодня, может быть, и удорожит, но завтра... Завтра все окупится с лихвой.

Теперь перенесемся в сферу производства. Научно-экспериментальное хозяйство «Снегири», где я работаю, расположено в Подмосковье. Это филиал базы Главного Ботанического сада АН СССР. Научные интересы работников связаны с проблемами земледелия и животноводства, с поисками их решения. Здесь выведены принципиально новые, высокоурожайные сорта зерновых и овощных культур. Сотрудники испытывают и размножают весьма перспективные пшенично-пырейные и ржано-пшеничные гибриды селекции акаде-

стижения науки, их внедрение. И это несмотря на то, что погодные условия в целом за пятилетие не были благоприятными. И все же среднегодовой сбор зерна теперь почти на двадцать процентов больше, чем был в восьмой пятилетке. Важно отметить, что этот прирост достигнут исключительно за счет повышения урожайности. А урожаи у нас давно превысили тридцать центнеров с гектара. Вот вам и Нечерноземье!

Экономические пружины развития любого хозяйства не менее интересны и значительны, чем подъем урожайности, улучшение кормления животных, достижения селекции или внедрение технических новинок. Поговорим об экономике.

Характерный показатель нашей советской экономики — динамизм ее развития.

Государство как политическая система обеспечивает постоянный рост производительности труда, повышение эффективности производства и качества работы, динамичное и пропорциональное развитие народного хозяйства. При этом государство опирается как на достижения научно-технического прогресса, так и на творческую активность трудящихся.

ЗАБОТЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

мика Н. В. Цицина. Элитный материал передается колхозам и совхозам, занимает уже сейчас значительные производственные площади.

Большой интерес представляет работа ученых по скрещиванию коров черно-пестрой породы с зебу. Опыты увенчались успехом. В хозяйстве уже есть двести восемьдесят гибридных коров. Средний надой по группе в 1976 году составил более четырех тысяч шестисот килограммов молока. А жирность молока достигла в среднем 4,36 процента: тут каждая сотая доля процента — достижение. Кроме того, молоко гибридных коров обладает повышенным содержанием белка. Спрос на него очень большой.

В хозяйстве «Снегири» чуть более тысячи гектаров пашни. Это немного. Но объем производства и реализации продукции уже сейчас превысил миллион рублей за год! В чем же источник успеха? Такой рост продукции в минувшей пятилетке обеспечили новейшие до-

Об этом четко сказано в статье 14 проекта Конституции СССР. Наша экономика вступила в принципиально новый этап развития. Закономерно, что десятая пятилетка провозглашена пятилеткой эффективности и качества. Эффективность и качество — категории особенно интересные сегодня для экономистов. В последнее время среди хозяйственников, экономистов, ученых идут споры, дискуссии о том, как оценивать деятельность предприятий. Много соображений высказывается применительно к промышленным предприятиям, меньше — в адрес сельского хозяйства.

Все сходится на том, что требуется дальнейшее совершенствование планирования и материального и морального стимулирования. От этого во многом зависит эффективность работы предприятия, хозяйства. На XXV съезде КПСС об этой задаче говорил товарищ Л. И. Брежнев. В дни всенародного обсуждения проекта Конституции СССР высказаны са-

КТ КОНСТИТУЦИИ СССР

мые разные предложения о путях решения назревших экономических проблем, в том числе и той, о которой я говорил. Есть мнение на этот счет и у меня, экономиста, когда-то руководившего сложным и специфическим элитно-семеноводческим хозяйством, имевшим одновременно и животноводство и другие отрасли.

Проблемы существующей системы оценки деятельности предприятий, в том числе и на селе, актуальны именно потому, что затрагивают интересы государства и всех нас, его граждан. Мы сами прежде всего заинтересованы, чтобы отыскать возможности совершенствования планирования, более точного исчисления производительности труда, оценки хозяйственных успехов (или неудач) коллективов, в которых сами же и работаем. Все это я сказал для того, чтобы перейти к главной мысли и обосновать одно свое соображение. Существующая система оценки деятельности совхоза или колхоза, система стимулирования улучшения их экономических показателей далеко не идеальна и нуждается в пересмотре. В докладе товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде партии сказано было, что совершенствования требует вся система показателей, лежащих в основе оценки деятельности министерств, объединений и предприятий. Эти показатели призваны соединять воедино интересы работника, предприятия и государства.

Постараюсь подробнее изложить ход моих рассуждений. Главным экономическим показателем качества работы любого хозяйства является достигнутый уровень производительности труда. И обязательно его опережающий рост по отношению к росту заработной платы. Так вот принятая ныне методика определения производительности труда во главу угла ставит **вал продукции**. И подсчитывают ее так: определяют стоимость валовой продукции, произведенной одним работником. Правильно ли это? Объективно ли отражается при этом истинное положение дел в хозяйстве? Нет, точностью этот метод исчисления производительности труда не отличается. В стоимость валовой продукции включается не только продукт живого человеческого труда, то есть труда непосредственно работников данного коллектива тружеников села. Сюда же включается, кроме того, и стоимость удобрений, семян, горючего, смазочных материалов, гербицидов, ядохимикатов, электроэнергии, кормов и т. д. (то есть стоимость уже потребленных средств производства). Думается, точнее было бы уровень производительности труда определять **не по стоимости валовой продукции, а по валовому доходу в расчете на одного работника**, занятого в данном сельскохозяйственном коллективе. Это уже совсем другой и куда более правильный подход к решению вопроса — как работал этот колхоз или совхоз. Ибо здесь уже из стоимости валовой продукции будут исключены все те материальные затраты, которые связаны с трудом совсем других коллективов, тех, кто добывал горючее, готовил корма, удобрения.

Поясняю эту свою мысль на примере. В наиболее благоприятном 1975 году у нас в хозяйстве валовой продукции в расчете на одного работника было произведено более чем на пять тысяч двести рублей. Получилось, что подсчитанная таким образом производительность труда за пять лет возросла на тридцать восемь процентов. И годовая зарплата одного работника при этом повысилась на тридцать два с половиной процента и составила почти

тысячу семьсот рублей. Следовательно, как и ожидалось, рост производительности труда опередил рост заработной платы почти на шесть процентов. Казалось бы, неплохо, все по науке...

Теперь определим динамику производительности труда вторым способом, как мне кажется, более точным. И что же? Производительность труда при исчислении валового дохода в расчете на одного работника увеличилась вовсе не на тридцать восемь процентов, а только на двадцать восемь. А рост ее, оказывается, отстает от роста заработной платы.

Произошло это потому, что на «текущий счет» работников совхоза неправомерно была занесена стоимость больших материальных затрат на все то, к чему их руки не были приложены. Повторюсь: нам следует учитывать только живой труд без ранее овеществленного труда, о котором шла речь выше, то есть без учета стоимости уже потребленных средств производства. Валовой доход — более современный показатель. Он отражает обязательно и качество продукции и качество работы коллектива, его руководителей. А ведь это очень важно — связать уровень, качество руководства с производительностью труда.

Одна из важнейших экономических закономерностей: доля затрат живого труда должна уменьшаться, доля материальных затрат увеличиваться, но так, что общая сумма затрат живого и овеществленного труда в расчете на единицу продукции неуклонно уменьшалась. Но в том-то и дело, что эта закономерность оказалась нарушенной, например, в нашем хозяйстве, когда я подсчитал по-своему производительность труда, поскольку в основе определения производительности труда лежит стоимость валовой продукции, поделенной на число работающих. Конечно, теперь подобные вопросы в какой-то мере помогут решить межхозяйственное кооперирование, концентрация производства, углубленная специализация. Но многое зависит и от самих руководителей хозяйств. Они могут и должны принять безотлагательные меры, чтобы значительно улучшить главные экономические показатели, и именно в комплексе. Руководителям хозяйств под силу такие меры, как строительство районных или территориальных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции на паях с государством. Им под силу действенная борьба с засоренностью полей, с болезнями растений и животных. В последние годы мучнистая роса, ржавчина и некоторые другие болезни уносят заметную долю урожая зерновых, овощей, винограда. Руководителям хозяйств под силу с помощью государства решительным образом перейти к такой системе, когда заготовители по заключенным договорам и четким графикам закупали и забирали бы продукцию непосредственно в хозяйствах: на токах, бахчах, огородах, фермах, виноградниках, в садах. А пока на перевалках большие потери и количества и качества урожая...

Короче, руководителям хозяйств есть над чем подумать, резервы улучшения экономических показателей все еще велики. Тут к месту остановиться и на такой проблеме, как материальная заинтересованность, и вот в каком аспекте. Это ведь тоже экономический рычаг, заставляющий руководителей хозяйств думать и целеустремленно работать над повышением валового дохода. Как над абсолютной его суммой, так и относительной, то есть в расчете на одного работника. А действующие ныне принципы премирования руководителей и спе-

циалистов (за перевыполнение плана реализации, за получение прибыли) практически не связаны в достаточной мере с эффективностью производства, с качеством как продукции, так и работы. Было бы правильнее премировать руководителей и специалистов за **превышение достигнутого уровня именно валового дохода в расчете на одного работника, занятого в данном производстве!**

И еще один вопрос, волнующий нас, экономистов.

Насыщение сельского хозяйства новейшей техникой — одно из важнейших направлений аграрной политики КПСС. Казалось бы, новая, более производительная техника должна заставить руководителей и специалистов прежде всего экономически обосновать, надо ли, выгодно ли приобретать именно сейчас и именно эти машины. И еще до покупки задуматься, как я ее буду использовать, новую технику, чтобы она быстрее окупилась. Однако на практике нередко упускают из виду самые элементарные расчеты. Факт, что технику чаще всего покупают только потому, что есть деньги. В результате некоторые машины в ином хозяйстве простаивают. А в соседнем их не хватает. Дошло до того, что каждое хозяйство стремится иметь полный набор собственных машин. А надо ли это? Целесообразно ли такое накопительство с точки зрения экономики? Нет, конечно! Ведь многие сельскохозяйственные машины работают сезонно.

За последние годы в стране тракторный парк значительно увеличился, не говоря уже о возросшей мощности машин. Но трактор используется, как правило, в одну смену, а за год не более 2200 часов. Мало! И дело здесь далеко не в острой нехватке механизаторов. Простые житейские наблюдения показывают, что основной причиной является стремление каждого механизатора иметь свой «собственный» трактор, ни с кем не «делить» его. Но это непозволительная роскошь, она дорого обходится государству.

И еще. Надо бы такие специальные машины, как автокраны, экскаваторы, бульдозеры, рефрижераторы, автоцистерны, автогрейдеры, а то и сложные уборочные машины — всю эту весьма дорогую технику сконцентрировать в специализированных, быть может, даже в межхозяйственных отрядах.

В десятой пятилетке на развитие сельского хозяйства страны намечено направить почти 172 миллиарда рублей. Чтобы наиболее эффективно использовать эти средства в современных условиях, важно, чтобы каждое хозяйство развивалось не само по себе, а в рамках всесторонне и экономически обоснованной кооперации, концентрации, специализации. Надо перестать гнаться за высокой стоимостью валовой продукции, а добиваться повышения валового дохода — правильно рассчитанного роста производительности труда.

Партия взяла решительный курс на повышение эффективности производства, улучшение качества работы. Хозрасчет, прибыль, себестоимость активно используются как современные рычаги экономики. Об этом говорит, в частности, и статья 15 проекта Конституции СССР. Но я бы дополнил ее словами: **главенствующую роль играет производительность труда как качественный показатель.** Именно она подтверждает высокий класс работы, квалификацию исполнителей и уровень руководства. Именно она позволяет ответить на некоторые жгучие вопросы, которые задает нам земля родных полей.

ОДИН ИЗ 16 000

Дондогийн ЦЭВЭГМИД,
заместитель Председателя Совета Министров МНР,
председатель Государственного комитета
по высшему, среднему
и профессионально-техническому образованию

Я был первым монгольским выпускником Московского государственного университета. Отвечаю на вопросы конкурса. Хочу обратиться к коллективу родного университета со словами глубокой благодарности, пожелать ему больших успехов в знаменательный год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, ставшей самым главным событием всей мировой истории.

С волнением вспоминаю годы учебы на биологическом факультете МГУ. Мне был вручен диплом с отличием. Окончив аспирантуру университета, я защитил 20 октября 1950 года диссертацию.

В торжественную минуту получения диплома вспомнились картины далекого детства. Мысли унесли меня к необъятным равнинам восточной Монголии, к нескольким войлочным юртам в степи, к отаре овец, за которой в истоптанных, не по росту больших гутулах бегу я, маленький ча-

бан, прислушиваясь к мелодичному, словно звуки флейты, свисту любопытных наших пикух, глазющих на меня. А в окно из нашей 131-й комнаты дома № 6 по улице Герцена — Зоологического музея — отчетливо виднелись рубиновые звезды Кремля. В сердце рождалось горячее чувство благодарности. Дружба нашего народа с родиной Велико-го Октября привела сына монгольского скотовода в стены Московского университета.

Я горжусь, что слушал лекции выдающихся советских ученых-биологов.

Много раз мне довелось бывать в родных стенах и на правах старого студента и в качестве почетного гостя. Одной из самых радостных и счастливых встреч было участие в 1955 году в праздновании 200-летнего юбилея МГУ, когда мне выпала честь от имени Монгольского государственного университета передать горячий привет его старшему брату.

Еще одна радостная возможность переступить золотой порог альма-матер выпала 4 апреля 1972 года. В тот день я

получил диплом почетного доктора Московского государственного университета. Это одно из проявлений нерушимой монголо-советской дружбы, это честь, оказанная воспитавшей меня Монгольской народно-революционной партией.

Я поддерживаю постоянную связь и с благодарностью получаю поддержку в своей научной работе от своих бывших однокашников — доцента Московского государственного университета Н. Н. Карташова, директора Института биологии Северо-Кавказского центра высшей школы, почетного члена Всесоюзного общества охраны природы, доктора наук, профессора Ю. Н. Куражковского, директора Института эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР академика В. Е. Соколова, директора Палеонтологического института АН СССР члена-корреспондента АН Л. П. Татаринова.

Монгольские товарищи, учившиеся вместе со мной в Московском университете и в аспирантуре, успешно трудятся на благо своей Родины. Среди них вице-президент АН МНР академик Ш. Цэгмид, ректор Монгольского государственного университета, академик Н. Содном, доктор наук Н. Ишжамц, Д. Аюушжав, профессора Л. Шагдар, Б. Дашжамц, кандидаты наук Ц. Пунцагноров, Б. Лувсанданзан, Д. Бадамжав, Д. Наваан, Г. Сандагжав.

Мы учились в суровое время, шла Великая Отечественная война, но коллектив университета проявлял особую заботу о нас, монгольских студентах.

Мы понимали, что освоение русского языка — языка великого Ленина, языка советского народа — это ключ к знаниям. Поэтому старались изо всех сил учиться русскому языку. Не жалела усилий прикреплённый ко мне педагог Нина Степановна Полетнева. Человек с прекрасным характером, она предъявляла высокие требования. Я очень любил заниматься с ней и вскоре уже читал в подлиннике Пушкина, Лермонтова, Горького. И мне казалось, что я стал на голову выше.

Монгольская народно-революционная партия — вдохновитель и организатор всех побед нашего народа — оказывала мне высокое доверие, назначала меня на должности ректора Монгольского государственного университета, председателя Государственного комитета по науке и высшему образованию, послом, председателем Великого Народного хурала, заместителем Председателя Совета Министров. Родина высоко оценила мой труд, не раз награждала орденами и медалями. Награжден также советским и болгарским орденами, золотой медалью Жолио-Кюри, избран почетным доктором Берлинского университета (ГДР) имени А. Гумбольдта.

Еще в 1929 году, когда я

учился в Улан-Баторском педагогическом училище, у нас были преподаватели из Советского Союза. Став в 1930 году учителем, я работал под руководством советских специалистов. В моем дневнике 1931 года есть такая запись: «Русский врач Василь подарил нашей школе 25 карандашей. Каждый карандаш я разделил на две части и привязал толстыми нитками к пуговицам учеников, чтобы они их не потеряли». Для вновь открытой в отдаленном уголке страны школы, где не хватало тетрадей и ученики писали на грифельных досках, новенькие желтые карандаши, еще пахнувшие краской, были очень дорогим подарком.

В суровые дни Великой Отечественной войны, в разгар ожесточенных боев на фронте, осенью 1942 года, открылся Монгольский государственный университет — первый вуз в тысячелетней истории нашего народа. Приглашенные из Советского Союза первые преподаватели и профессора университета организовали кафедры зоологии, химии, физики, математики, анатомии, русского языка.

Организатор кафедры зоологии Монгольского государственного университета доцент А. Г. Банников (ныне доктор, профессор) взял меня лаборантом, брал с собой в экспедиции. Участвуя вместе с ним, географом Э. М. Мурзаевым, ботаником А. А. Юнатовым в трех экспедициях, работавших над изучением животного мира, географии и растительности покровов Монголии, я побывал в восточных и западных районах страны, в Заалтайской Гоби. Путь в науку открыл мне мой учитель А. Г. Банников.

Наблюдая величавые горы и озера Заалтайской Гоби, необычные горбистые равнины, подернутые дымкой миражей, со стремительно пробегающими антилопами, быстроногими куланами, дикими лошадьми и верблюдами, глядя на горделиво стоящих на скалистых вершинах диких баранов — архаров, я знакомился с богатым животным миром и чудесной природой родной страны, обогащая свои дневники, собирал интересные коллекции. И хотя прошли десятки лет с тех пор, как мы в безлюдной, пышущей зноем Гоби то тянули, то подталкивали грузовик ЗИС-5 с мильным радиатором, буксовавший в песках, я хорошо помню своих советских учителей, научивших меня преодолевать трудности, пробуждавших интерес к научным поискам. Я и сейчас поддерживаю с ними связи и благодарен им за помощь.

Я написал ряд статей по вопросам биологии редких животных Монголии и охраны окружающей среды, научно-популярные брошюры. Занимался и литературной деятельностью, писал стихи, рассказы и повести. Очень горжусь, что являюсь одним из первых лауреатов премии Монгольского революционного союза молодежи.

В семье нас пятеро: жена Долгорсүрэн, дочь Дэви, сыновья Амгалан и Энхэ. Дэви кончает в нынешнем году факультет русского языка Монгольского государственного университета. Старший сын, Амгалан, заканчивает Ленинградскую академию художеств. Младший сын Энхэ учится в Берлинском университете имени А. Гумбольдта.

Такова краткая биография Дондогийна Цэвэгмида, которому было всего два года, когда залп крейсера «Аврора» возвестил о том, что занялась заря нового мира, и который вырос под солнцем Великого Октября, стал одним из шестнадцати тысяч монголов, получивших за годы народной революции образование в советских учебных заведениях.

Улан-Батор.

Мы — воспитанники МГУ. Слева направо: стоят — Ш. Цэгмид, ныне доктор, академик; Л. Шагдар профессор Монгольского государственного университета; Н. Ишжамц, доктор исторических наук; Ц. Пунцагноров, кандидат исторических наук. Сидят — Д. Наваан, кандидат исторических наук; я, Д. Цэвэгмид; Д. Аюушжав, доктор физических наук.

Тоушан ЭСЕНОВА,
народный писатель
Туркменистана

Женщина Востока... Сколько столетий была ты бессловесной, бесправной рабыней домашнего очага. Я еще хорошо помню аульных затворниц, не смевших показаться на глаза людям, не прикрыв рта платком молчания и покорности — яшмаком. По закону шарията женщина считалась получеловеком. Даже на суде двоих женщин считали за одного свидетеля. Вспоминаю обо всем этом, читая статью 35 проекта Конституции СССР: «Женщина в СССР имеет равные права с мужчиной. Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности...»

Сколько трагических женских судеб знает история народа, сколько их дошло до нас в рассказах старых людей, в народных преданиях, книгах моих собратьев по перу! «Когда женщина оседлает коня — придет конец света» — так говорили в наших краях, когда я родилась. А я немногим старше Великого Октября.

Когда женщина оседлает коня... На всю жизнь запомнилось мне ясное утро 5 декабря 1936 года. В этот день была принята Конституция СССР. А мы с подругой Язгуль Шамурadowой в то утро на летном поле Ашхабадского аэроклуба сдавали испытания по высшему пилотажу. Так случилось, что мы с ней были первыми летчицами-туркменками. Конечно, волновались в тот день немало. Взлетели вдвоем, проделали несколько фигур, а из «мертвой петли» никак не выйдем: что-то заклинило. И все же — до земли оставалось не так уж много — мы выровняли самолетик, выполнили еще какие-то фигуры попроще и сели благополучно.

Сам по себе этот случай, пожалуй, не столь и особенный — бывалые пилоты назовут сотни более острых ситуаций. Но вдумайтесь: девчонки-туркменки, которых еще недавно по законам адата и шарията могли продать за калым не любимым, незнакомым мужчинам, могли и убить, наконец, если ослушаются, — и вдруг они летят над городом, сами управляют самолетом, не боясь ни аллаха, ни шай-

тана, да еще выкручиваясь из ЧП. Нелегко был путь моих землячек к таким высотам. В 1923 году в Безмеине была зверски убита туркменка Дурсун только за то, что осмелилась потребовать развода от мужа — деспота и многоженца. Несколько позже в Геок-Тепе на глазах у собственных детей убили одну из первых активисток и поборниц раскрепощения женщин, Аннаджемал Хидыр-казы.

И все же с помощью подруг русских, украинских и других национальностей мои землячки завоевывали одну высоту за другой. Собирались в ткацкие артели, начинали работать в ковровых мастерских. Очень помогли нам подружки из Иванова, из подмосковных городков Реутова, Орехово-Зуева, с фабрик Замоскворечья и Красной Пресни. Сколько в те годы завязалось тесных связей, которые крепки по сей день...

Трудно сказать, что бы стало с моим народом вообще, если бы не Великий Октябрь. Царские чиновники предсказывали даже гибель туркменских племен, если не произойдет чуда. Народ был разобщен: одни племена относились к Бухарскому эмирату, вторые — к Хивинскому ханству, третьи — к Российской империи. Сельское хозяйство — основа тогдашней экономики — влчило жалкое существование. Спутниками многих поколений туркмен были бескультурье, неграмотность, эпидемии, голод, высокая смертность.

И когда грянул Великий Октябрь, наш народ, как и все другие народы страны, получил свободу, равные со всеми права, закреплённые затем в Конституции

гих граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства». Представители почти четырех десятков наций и народностей рука об руку штурмовали каракумскую целину. Неспроста канал называют у нас рекой дружбы, рекой жизни. Он стал таким популярным, что даже сыновьям дают имя Каналгельды, то есть «Канал пришел».

Сотни, тысячи гектаров земель утолили жажду, и сегодня республика сдает государству ежегодно более миллиона тонн «белого золота». Уже есть хозяйства, где к хлопку — от сева до сбора и сдачи — не прикасается рука человека; скажем, совхоз «Путь ленинизма».

И другие отрасли сельского хозяйства развиваются столь же успешно, создаются комплексные специализированные предприятия.

Во многом и этими успехами мы обязаны братской помощи народов нашей страны. Ежегодно к нам приезжают взаимопроверочные бригады из братских Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, с которыми мы соревнуемся, подсказывают немало интересного. Наши специалисты бьются во многих республиках и областях страны, где заимствуют передовой опыт. Сотни заводов и фабрик из многих республик поставляют нам свою технику.

Бедной считалась пустыня Каракумы. Известные советские ученые А. Ферсман, И. Губкин, Д. Наливкин и другие «прощупали» ее и нашли под толщей барханов несметные природные богатства.

Сегодняшний Туркменистан —

школ». На народное образование в год отпускалось 15 копеек на человека.

Сегодня во многих туркменских семьях — по два-три дипломированных специалиста. Число студентов на каждые 10 тысяч человек значительно больше, чем в развитых зарубежных странах.

Многие мои подружки по интернату, с которыми мы осваивали азы грамотности, стали известными людьми. Доктором наук стала Сачли Дурсунова — дочь той убитой туркменки Дурсун, она вопреки всем обычаям взяла фамилией имя матери и с честью пронесла по жизни... Актрисами стали Со-на и Сурай Мурадовы, экономистом и организатором промышленности — Гозель Мамедова, преподавателем вуза — Аннагуль Непесова... Этот список можно продолжать долго. И это все женщины, «оседлавшие коня». Они теперь руководят министерствами и колхозами, крупными предприятиями и стройками, учат и лечат, воспитывают детей и решают научные проблемы.

Широкую дорогу к развитию культуры открыл Великий Октябрь моему народу. Когда-то лишь песня бахши, народный дестан — сказание да стих представляли литературу моего народа. В 1930 году к нам приехала «ударная», как ее тогда называли, бригада русских писателей: Н. Тихонов, Вл. Луговской, Л. Леонов, Вс. Иванов и другие. Они первыми рассказали сознательному читателю о нашем крае, помогли туркменским коллегам освоить новые жанры. И вскоре стали известны не только у нас, но и в других республиках романы, повести, очерки, рассказы, пьесы Берды Кербабаяева, Баки Сейтакова, Ата Кауштуова, Хыдыра Дерьяева, многих других моих нынешних коллег.

Крепнет дружба с литераторами, актерами, музыкантами, художниками всех республик. Популярными стали декады, дни литературы и искусства, фестивали.

Вот какие изменения принесла моему народу светлая дорога, указанная великим Лениным, проторенная Коммунистической партией.

С благодарностью слушали мы слова Л. И. Брежнева на майском Пленуме ЦК КПСС о том, что все наши республики, в том числе и те, которые ранее отставали в экономическом и культурном отношении, достигли теперь высокого уровня развития.

Новая Конституция СССР открывает перед каждым народом еще более светлые дали. Она вдохновляет нас.

ЖИЗНЬ МОЯ, ТУРКМЕНИЯ

СССР. А потом туркмены впервые за всю свою многовековую историю объединились в самостоятельное государство. Была образована Туркменская Советская Социалистическая Республика — равная в семье братских народов СССР.

С первых же дней на помощь туркменам пришли рабочие, ученые, учителя Российской Федерации, Украины, Азербайджана, других республик... Мы получали кадры специалистов и кредит. Получали металл и оборудование, сельскохозяйственные машины, уголь и текстиль.

Природа дала нам много солнца, бескрайние просторы земли, а воды — лишь кувшин наполнить. С первых же лет Советской власти решено было напоить пустыню... Сейчас во всем мире известен Каракумский канал имени В. И. Ленина. Его строительство — отличное доказательство выполнения статьи 64 проекта Конституции СССР, которая гласит: «Долг каждого гражданина СССР — уважать национальное достоинство дру-

от Каспия до Амударьи — гигантская строительная площадка. Возводятся заводы и фабрики, новые города и поселки, расширяются нефтяные и газовые промыслы, строятся мачты ЛЭП и трубопроводы, каналы и искусственные моря. А начиналась промышленность с небольших предприятий — ашхабадской «текстилки», как до сих пор любовно называют хлопчатобумажный комбинат имени Дзержинского, и «стеколки» — ныне стекольный комбинат имени В. И. Ленина.

Крепла экономика края, и на ее основе неуклонно росло культурное и материальное благосостояние моего народа. Много верст нужно было проехать по аулам, чтобы найти человека, способного написать прошение. Начальник Закаспийской области генерал Евреинов писал начальнику Туркестанского края: «3 имеющиеся туземные школы и 8 русско-туземных вполне отвечают потребностям туркмен, а потому если бы были средства, то я бы затруднился дать согласие на открытие новых

В канун полувекового юбилея Великого Октября «Огонек» рассказывал о достижениях искусства и культурного строительства в Туркменской ССР. Был опубликован очерк «Сестры», где говорилось о талантах народа, их росте и развитии. Прошедшее десятилетие отмечено новыми выдающимися успехами братского народа. Публикуемый репортаж — о дальнейшем расцвете культуры и искусства Туркмении.

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ЦВЕТЫ ОЖИВШЕЙ ПУСТЫНИ

СИНЕЕ
ПО ЖЕЛТОМУ

В приемной Мухамедназара Гапуровича Гапурова, первого секретаря ЦК Компартии Туркменистана, во всю стену многокрасочное панно «Каракумский канал имени В. И. Ленина». Синяя полоса перечеркивает желтизну песков от Амударьи до Каспия. И почти на тысячу километров — вплоть до отметки, куда уже дошла вода, — зеленеет широкая кайма плодородных полей, теснящих Каракумы, словно бы по закону смещения красок в живописи: синее с желтым дает зеленое.

— Сегодня рано утром позвонил по телефону Леонид Ильич Брежнев, — делится радостной вестью Мухамедназар Гапурович. — Когда ему удастся отдохнуть?! Я приехал на работу по холодку к восьми утра, а по московскому времени — шесть... Леонид Ильич поинтересовался, как здоровье, настроение, и, естественно, спросил о положении дел у хлопководов, газовиков, нефтяников, энергетиков, не нужна ли в чем помощь... Хочется, чтобы об этом поскорее узнали все. Группа работников ЦК Компартии Туркменистана выехала в районы. Как известно, в связи с выполнением заданий первого года пятилетки по продаже государству хлопка-сырца, зерна, овощей и бахчевых культур Леонид Ильич сердечно поздравил трудящихся республики, а это обязывает! Туркмения темпов не сдает; опережающими темпами развиваются ведущие отрасли индустрии республики — химическая, хлопкоочистительная и особенно газодобывающая. В 1976 году газовики Туркмении дали Родине 62,6 миллиарда кубометров голубого топлива, что составило почти пятую часть добычи в

стране. Во исполнение решений XXV съезда КПСС возводится Чарджоуский нефтеперерабатывающий завод, продолжается строительство Марыйской ГРЭС, осваиваются Шатлыкское и другие газовые месторождения. Республика в лесах новостроек. Постоянно увеличивается производство хлопка, зерна, овощей, мяса, молока, коконов, каракуля и другой сельскохозяйственной продукции.

Вот уже несколько лет подряд Туркменистан производит более миллиона тонн «белого золота» в год. Делается упор на ценнейшие сорта, тонковолокнистые. Из такого хлопка получают ткани самого высокого качества. Как ни трудна была весна, шестидесятилетие Великого Октября республика встречает достойно.

— Жарковато на полях... Выше сорока градусов.

— Такая температура хлопку по вкусу! Было бы воды вдоволь, — он ведь любит, чтобы голову палило солнце, а ноги омывала холодная вода!..

— Ее теперь хватает?

— Вода у нас всегда в особой цене. Площади под хлопком вон как расширились за счет пустыни!.. Наши фольклористы записали такую побасенку: «Когда делили солнце, туркмены проснулись первыми, и солнца им досталось больше всех. Когда распределяли землю, они тоже встали чуть свет, и территории у нас предостаточно, — почти сорок процентов Средней Азии. А вот на дележ воды мои земляки опоздали... Зато теперь с помощью всех братских народов быстро наверстываем упущенное! Общая длина Каракумского канала достигнет 1450 километров. В народе о нем песню сложили: «Река Дружбы — река Жизни».

— Как мы убедились, канал и его создатели достойно запечатлены и в профессиональном искусстве Туркмении.

— Должен сказать, что достижения наших литераторов, художников, артистов, музыкантов тоже из области великих свершений. За годы Советской власти в Туркменистане произошла подлинная культурная революция. Воспитаны замечательные кадры научной и

творческой интеллигенции. Небывалого расцвета достигло национальное искусство — зеркало жизни народной. До революции туркмены не знали таких жанров литературы, как роман или пьеса; не было живописи, оперы, балета... Образно говоря, наши художники, артисты, музыканты с высшим специальным образованием — это цветы ожившей пустыни.

Теперь и для кумли, то есть чабанов, перегоняющих по пескам отары каракульских овец от колодца к колодцу, влажный от утренней росы тюльпан — символ торжества жизни, сама красота... А красота вдохновляет, она делает и невозможное возможным. В том, что многоцветье полей и садов победно вторгается в извечную блеклую охру пустыни, немалая заслуга деятелей искусства республики.

«ПУСТЫНЯ!..»

На фоне уходящих к горизонту барханов, у самой кромки берега канала, сидит седобородый дайханин в черной папахе. Зачерпнув узловатыми руками воду, он держит ее бережно, будто поймал Семурга, сказочную птицу счастья, устремив зачарованный взгляд на пронсящую перед ним бесконечную и живую, вполне реальную стаю таких же синих птиц... Эту свою картину народный художник Туркменской ССР Айхан Хаджиев назвал «Вековая мечта сбылась».

— Однажды в выставочном зале я наблюдал со стороны, как возле этого полотна горячо спорили посетители — седобородые люди, одетые так же, как мой дайханин, — сказал художник.

Каждый доказывал, что это его личный портрет, аргумент один: когда по каналу пошла вода, он-де точно так сидел на берегу!..

Портрет... Самое слово это в туркменском языке появилось лишь после Октябрьской революции. Заповедь ислама строго запрещала изображать каким-либо способом человеческое лицо. Даже смотреть на такое изображение для правоверного мусульманина считалось смертным грехом. Единственной отдушиной для удовлетворения эстетического чувства народа был ковровый узор, «гёль», в создании которого туркмены преуспели, как никто в мире; еще в XIII веке побывавший здесь венецианец Марко Поло писал, что они делают «самые тонкие, самые красивые в свете ковры».

Нелегко было первым профессиональным художникам-туркменам выбираться из чарующих лабиринтов «гёля» с его абстрагированным до уровня математических знаков сюжетом на простор живого реалистического творчества. Начало было положено ашхабадской «Ударной школой искусств Востока». Ее исток — художественная студия при политехнике Первой армии Туркестанского фронта, образованная в 1920 году, после победы над контрреволюцией.

Примечательно, что уже в 1923 году на выставке работ этой школы в Москве из тринадцати полотен первого туркменского живописца, бывшего батрака Бяшима Нурали десять были портретами. Лучшие воспитанники школы продолжили свое образование у известных мастеров живописи Москвы и Ленинграда. Волнующее содержание произведений определяла сама жизнь. Бяшим Нурали пишет картины «Праздник», «Старый туркменский быт» и «Новый туркменский быт». Темы торжества социалистической новизны, справедливости и счастья звучат в его полотнах «Портрет жены», «Подруги», «Возвращение»...

Этапными в туркменском изобразительном искусстве стали работы Айхана Хаджиева, Из-

Красота родного края... Ее воспевают в своих картинах народный художник Туркменской ССР Айхан Хаджиев.

Выступает вокально-инструментальный ансамбль «Гунеш».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Ювелирных дел мастер Чары Мухамедназаров.

Танцуют самодеятельные артисты Ашхабадского сельскохозяйственного института.

Деталь ручной вышивки наголовного женского халата (чырны). II век до н. э.

Сосуд для хранения вина (ритон).

Застежка ворота (гульяка).

зата Клычева, Амана Кулиева — первых национальных художников, также получивших высшее специальное образование. При всем колоритическом богатстве современного изобразительного искусства республики и разности творческих индивидуальностей художников для них характерно углубленное внимание к духовному миру человека, слияние национального и социалистического в решении образа.

— Я не могу работать ради одного цвета, ради красивого плана, силуэта, линии, — говорит Хаджиев. — Лишь найди значительный сюжет, я ищу форму его выражения.

Творческая судьба художника типична. Начав учебу в Ашхабаде, он успешно заканчивает Московский художественный институт имени В. И. Сурикова.

Уже в 1941 году он сумел создать картину «Бай и батрак», отмеченную премией. Полотно с успехом выставлялось в стране и за рубежом — в Тегеране.

Туркмения гордится своими художниками. У каждого мастера своя манера. Достаточно взглянуть на картину, чтобы узнать руку колоритного и пластичного Мамеда Мамедова или гораздо более сдержанного Амана Амангельдыева, яркого в передаче напряженных моментов жизни Станислава Бабинова или романтического, склонного к символике Чары Амангельдыева; щедрого на цвет и лиричного Дурды Байрамова или раздумчивого Кульназара Бекмурадова, философски поэтичного Шамухамеда Акмухамедова или внимательного к деталям Какаджана Оразнепесова...

В мастерской Айхана Хаджиева на мольберте рабочий эскиз картины, которую он создаст в честь 60-летия Великого Октября. Восседающий на верблюде белобородый кумли всматривается в подымающиеся у горизонта нефтяные вышки. Что-то новое в родных песках. Видимо, всадник вспоминает то время, когда он, молодой и сильный, проезжал здесь. Давно кончилась юность. Исчезает и напоминающий ее пейзаж. Но отнюдь не отчаяние — раздумье на лице кумли: столько раз бывал здесь, а в голову не приходило, что под песками такое богатство...

— Хотел назвать картину «Обновление пустыни», — говорит Айхан Аннамухамедович. — Но, пожалуй, точнее задать вопрос, назвать так: «Пустыня?»

БУРОВИКИ

Главную черту творческого характера народного артиста СССР Базара Аманова — беспокойство — мы почувствовали задолго до встречи с ним, благодаря портрету работы Амана Амангельдыева.

Вот только густой бас известного артиста, мощный даже при спокойном разговоре, был некоторой неожиданностью.

— Из-за голоса мне никогда не поручали женских ролей, — улыбается Базар Аманович, как-то непринужденно касаясь проблемы, остро волновавшей туркменский театр вплоть до тридцатых годов: женщинам запрещено было появляться на людях. — Зато на спектаклях, которые мы тогда давали в аулах, под открытым небом, меня и женщины могли услышать... Ведь в первые годы Советской власти было как? На площади перед сценическим помостом сидели одни только мужчины. Вдалеке, на почтительном расстоянии выстраивались старухи, а за ними, прячась за их спинами, образовывался еще один зрительный зал — женщины помолоче. Теперь, как я замечаю, партнер театра формируется совсем иначе: впереди сплошь женщины! — смеется Базар Аманович. И вдруг серьезнее: — В общем, события перестраивались так... — продолжает он, и мы понимаем, что это не оговорка, что события именно «перестраивались». — Рано осиротев, пас я байских овец в тедженских песках, и вдруг забирают меня в Ашхабад учиться, а при школе — драматический кружок. И первая моя роль — байский батрачок. Играл самого себя. Впрочем, даже не играл, а был самим собой. Когда пригласили в театральную студию, я еще раздумывал, получится ли у меня. Собирались стать военным, бас-то командирский!.. Училась со мной и знаменитая теперь Сурай Мурадова, одна из первых туркменских женщин-артисток. Ох, и доставалось ей от фанатиков-мракобесов... Впрочем, в январе 1967 года о Сурай и ее сестре Соне Мурадовой, ныне народной артистке СССР, в «Огоньке» был напечатан очерк «Сестры». Когда образовался наш театр драмы имени Молланепеса, мы начали ездить по аулам со спектаклями на самые жгучие темы дня. Все было жизнью театра: борьба с басмачеством, размежевание среднеазиатских республик, коллективизация, раскрепощение женщин, утверждение нового быта... И я увидел, что моя мечта о военной профессии тоже как бы осуществилась. Нас ведь подстерегали банды басмачей, самосуд баев... Мы воевали своим искусством за социализм, дрались за души одурманенных людей. Помню, в од-

ном из глубинных аулов нам сказали, что среди зрителей — шайка вооруженных басмачей, может, соснувшись по мирным развлечениям... Сидят, даже ухмыляются. Что ж, деваться некуда, надо играть. Да так, чтоб взять за душу тех, кто околпачен баями: спектакль-то о них же. Со стрельбой... Вдруг после выстрела на сцену из зала вскакивает басмач и, схватив нашу винтовку, осматривает ее; мы замерли, а он повертел ее в руках и с гримасой швырнул на землю: деревляшка, для дела не годится... А из зала кричат: «Уходи! Не мешай смотреть!» В общем, после спектакля спали мы относительно спокойно, хотя нас всю ночь охраняли аульчане... Вот так переворачивались события... Ставили мы «Жертву знахарки», «Без калыма», «Три врага», «Тридцатые годы»... Как раз в середине тридцатых годов у нас наладилась крепкая дружба с московскими мастерами сцены — вахтанговцами, МХАТом и другими театрами. Я был очарован королем Диром в исполнении Михоэlsa и до сих пор мечтаю об этой роли... Уже тогда мы начали овладевать русской и зарубежной классикой, ставили пьесы советских драматургов. Я сыграл Яго в «Отелло», Осипа в «Ревизоре», Якова Бардина во «Врагах», Швандю в «Любови Яровой». Уже в новом профессиональном качестве играли мы «Решающий шаг» Берды Кербалаева, сделав свой новый «решающий шаг» в показе современной туркменской действительности.

Базар Аманов лично участвовал в создании национального репертуара. На сцене театра имени Молланепеса поставлены его пьесы «Остров сокровищ», «Айлар»; по его сценариям разработкам созданы спектакли «Зохране и Тахир», «Кемине», «Молланепес» и другие.

— Нашему коллективу по плечу самые сложные сценические задачи, — говорит главный режиссер театра, воспитанник московского ГИТИСа имени Луначарского Аман Курбандурдыев. — Живые образы героев истории и современности Туркменистана вошли в сознание народа с именами Амана Кульмамедова и Алты Карлиева, Соны Мургадовой и Базара Аманова, Клыча Бердыева и Ата Дурдыева, Сурай Мурадовой и Нурджамал Союновой... Ныне у нас коллектив ярких творческих индивидуальностей, постоянно пополняющийся молодежью. Зритель ждет многого, и мы не вправе обмануть его надежды, а для этого путь один — прямая связь с жизнью современника. Повсеместный подъем по случаю обсуждения проекта Конституции, приближение 60-й годовщины Великого Октября активизировали гражданские чувства советских людей, повысили ответственность. Препятствия мерками жить нельзя...

Когда драматург Мухаммеднур Курбанклычев, автор пьесы о добытчиках газа «Зори Шатлыка», принес в театр свою пьесу «Буровики», главный режиссер вместе с группой артистов выехали в пески, на буровые.

— Мы поселились в одной из экспедиций Марыйской области, — рассказывает Аман Курбандурдыев. — Живой интерес буровиков к производству убедил нас, что мы положили руку на самый пульс жизни. Слышали бы вы выступление буровиков после читки! Наша встреча превратилась в бурное партийное собрание, где звучали конкретные вопросы бытия этого самого производственного коллектива... Недавно на репетиции спектакля «Буровики» приехала в театр группа марыйских геологоразведчиков. И, пожалуй, никогда так не волновались исполнители главных ролей: Базар Аманов, Клыч Бердыев, Мухаммед Черкезов, молодая актриса Гули Аширова... Бурные аплодисменты и каски в подарок от гостей были для артистов лучшей наградой.

Премьеру покажем в дни празднования юбилея Великого Октября у буровой вышки, среди марыйских барханов. По сути, мы ведь тоже буровики...

В ИСКУССТВЕ, КАК В ПОЛЕТЕ...

Беседуя об истории туркменского искусства, Базар Аманов высказал весьма меткую мысль о том, что певец-дударист, бахши был в течение веков единственным народным театром. Это был театр одного актера, притом оперный... Ведь бахши не только поет: он сочиняет, ставит свою пьесу, и сопровождает музыкой, и дирижирует ею...

Но когда слушаешь в опере или сольном концерте колоратурное сопрано народной артистки СССР Медениет Шахбердыевой, оказываешься в плену совсем иных, современных ассоциаций, обеспеченных всем могуществом отточенного профессионализма, яркого оркестрового сопровождения, смелой режиссуры и проникновенного, чуткого дирижиро-

вания. Особенно когда Майя — так любовно все называют в Туркменистане певицу — берет захватывающе высокие ноты... За дирижерским пультом замирает на мгновение с полетно-воздетыми руками Хыдыр Аллануров, недавно также удостоенный звания народного артиста СССР за большие достижения в развитии советского музыкального искусства.

— Это художник максимальной отдачи и такой же требовательности к исполнителям. Ему каждый раз подавая открытие — и не меньше! Темперамент каракумский. Он ведь родился в песках, неподалеку от Кызыл-Арвата, — по-девичьи смеется Медениет Шахбердыева. — Могу засидеться за это от имени всех моих героинь — Виолетты, Джильды, Розины, Лакме или Норины из «Дона Паскуале» и тем более от имени Шасенем и Зохране из наших национальных опер. В трактовке Хыдыра они стали крупным музыкальным открытием.

Судьба туркменки-детдомовки Медениет Шахбердыевой сложилась так, что старый быт с его полной дискриминацией женщины не отягощал ее движения к высотам искусства. Разносторонне одаренная, Медениет сначала увлекалась математикой и физикой, даже преуспевала на математическом факультете пединститута. Но привлекала ее и скрипка. А когда у девушки обнаружилось необыкновенное лирическое сопрано, она сделала окончательный выбор, поступила на вокальный факультет Московской консерватории по классу профессора В. Ф. Рождественской. Возвратившись в Ашхабад, с успехом спела ведущие партии в «Травиате», «Риголетто», «Севильском цирюльнике», в операх туркменских композиторов.

— Внешне все было в порядке, — рассказывает Медениет. — Но в искусстве, как в полете, останавливаться нельзя... Я уехала на стажировку в Киевский театр оперы и балета имени Шевченко. И теперь бесконечно — на всю жизнь — благодарна искуснейшей Марии Эдуардовне Донец-Тессейр, творцу многих известных лирико-колоратурных певиц, за ювелирную шлифовку моего голоса.

— Значит, всем другим увлечениям конец? — Не скажите! — как-то загадочно улыбнулась Медениет. А потом решила: — Ладно. Никому из журналистов еще ничего не говорила, а «Огоньку» скажу: я ведь прирожденная пионервожатая! И со станком! В нашей Фирюзе работала, в Подмоскovie... Вспомнила потому, что педагогический опыт помогает мне и сейчас. Я отобрала троих девочек — двух туркменок и армянку — с прекрасными вокальными данными. Фамилий пока называть не буду. Но надеюсь, что своими успехами они заставят это сделать...

Так мы прикоснулись к новым побегам туркменского музыкального искусства — разностороннего и мощного, стремительно прошедшего славный путь от дутара до симфонического оркестра, от бахши до оперы. Огромный вклад в него внесли Ашир Кулиев, Вели Мухатов, Нуры Мухатов, Чары Артыков, Хыдыр Аллануров, Майя Кулиева и многие другие композиторы и исполнители, первыми обучавшиеся в Московской государственной консерватории. Уже в сороковых годах в содружестве с русскими и украинскими композиторами были созданы оперы «Юсуп и Ахмет» Б. Шехтера и А. Кулиева, «Абадан» Ю. Мейтуса и А. Кулиева, «Шасенем и Гариб» А. Шапошниковой и Д. Овезова, балет «Акпамык» А. Зноско-Боровского и В. Мухатова.

Все новые и новые вершины музыкального искусства уверенно брали композиторы республики. Заведующая отделом культуры ЦК Компартии Туркменистана Айя Алтыева Карлиева особо отмечает профессиональный рост композиторов и исполнителей:

— В шестидесятые годы заявила о себе целая плеяда молодых музыкантов с высшим специальным образованием, но особенно урожайными были семидесятые годы. Перед исполнителями открылись новые высоты в опере Агаджикова «Тревожная ночь» — о годах становления Советской власти в Туркменистане, в балетах «Добрая волшебница» Нурыева и «Счастье» Кулиева, в кантате «Братство» Ахмедова... Небывалый творческий подъем испытываем мы сейчас, в канун шестидесятилетия Великого Октября. Готовятся две премьеры: героико-историческая опера Нуры Мухатова «Кеймир-Кёр» и балет Чары Нурымова «Кугитангская трагедия».

— Настроение как на стартовой площадке перед пуском ракеты, — включился в разговор Хыдыр Аллануров. — С дирижера ведь особый спрос... Пожалуйста, напечатайте в «Огоньке», что я во власти особых чувств — ответственности и глубокой благодарности. Под Указом о присвоении мне звания народного артиста Советского Союза стоит подпись Леонида Ильича Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета нашей великой страны, Генерального секретаря ЦК партии Ленина, давшей всем нам крылья...

■
За дирижерским пультом народный артист СССР Хыдыр Аллануров.

Ю

4

лий Петрович Гужон, говоривший с едва заметным гасконским акцентом, читал текстильщику Рябушинскому и старику Осташову, обувщику, стишки, записанные на глянцевой карточке:

— Говорил на сходках, выбран в комитет, а теперь в решетку еле вижу свет! Пропала карьера, адые, университет, во всем потребна мера, в этом спору нет! Ты прощай, столица, всюду гладь и ширь, поезд, словно птица, помчит меня в Сибирь! Печатал бюллетени, им числа не счесть, а теперь пельмени мне придется есть...

Гужон оторвал глаза от глянцевой карточки, посмеялся, поясняя уточнил: — Называется «Исповедь либерального дворянина».

Рябушинский презрительно передернул острыми плечами:

— Нам, к счастью, не приходится исповедоваться таким образом; может быть, оттого, что наиболее умные из купцов никогда не гонялись за званием русского дворянина... Не вам одному, Юлий Петрович, стишки собирать — я тоже один особо люблю: «В тарантасе, в телеге ли, еду ночью из Брянска, все о нем, все о Гегеле, моя дума дворянская».

(Титул действительного статского советника и дворянство купцам жаловали в том случае, если они передавали Академии наук, в которой правила вдовствующая императрица, свои коллекции и галереи. Третьяковы отдали картины городу, открыли ворота для черни, поэтому были обойдены статским, а ведь это сразу же дворянство, это почет дает и приглашение на банкеты к губернатору, где не на хорах держат, а за главным столом, рядом с избранными. Бахрушин свой музей от ка зал академии, сразу в дворяне вышел, генерал, теперь ходит гордый, начал даже про «купишек» подшучивать.)

только б не свободу зазря терять время...

— Будто раньше тебе, Павел Палыч, свободы было мало. Ты по лошади бей — не по оглобле, чего бога-то гневить? Свобода... Хотели говорить — говорили, собирались на ярмарке, в торговом ряду, в церкви — кто мешал-то? Нынешняя свобода — это свобода рушить... Макара Чудру столоначальником поставят, а Челкаша директором департамента приведут — вот я посмотрю, как вы тогда запрыгаете, все вам, видишь, бюрократы мешали... Платить им надо было больше, лапу щедрей маслить — не мешали б...

— Ты чего бурчишь, старик? — хмыкнул Рябушинский, оглядывая зал биржи, заполненный московскими заводчиками и фабрикантами.

Подъехало на Ильинку огромное множество деловых людей, весь Китай-город запрудили экипажи: Морозов, конечно, припер на авто, как, право, не совестно, будто какой немец, нет скромности в человеке... Собрались на чрезвычайное совещание, так в приглашениях было напечатано; все знали, что произойдет, но по обычной купеческой привычке тем и ли и друг перед другом, лобызались, божились в дружбе, но о деле ни гу-гу — ждали.

— Я не бурчу, — посмотрев, как и Рябушинский с Гужоном, в зал, вздохнул Осташов. — Гуди не гуди, все одно прокакали Россию. Вон, анархисты говорят, что Думы не надо, что вред от нее, и я так же говорю.

Гужон и Рябушинский переглянулись изумленно.

— Да, да, в уме я пока, в уме. Крестьянин на выборы не пойдет — ему работать надо, да и путь по железке дорог; купчишке сельскому лень, он с похмелья страдает; культурному человеку противно толкаться в одном помещении с чернью. Кто ж остается? Пролетарий? А он, пролетарий-то, дурак! Разве он понимает, за кого голосовать? Тут ему ихние вожди себя и подсунут! И Плеханова коронуют, царем назовут! А немца Витте Троцкий заменит!.. Опохабили землю заводами, опохабили. Крестьянин зерно в землю кладет и ждет милости от бога — дождя и солнца. Кто бога чтит, тот царю слуга. А кто у фабричных бог? Машина. И на ту руку поднимали, станки

миллионами, ситец держит, давеча пришли к нему студентики билет на благотворительный концерт продавать, предложили самый почетный, за сто рублей, а он уперся — «дорого», предложили за четвертак — тоже не взял, сторговал за рубль, студенты его начали позорить, а он: «Я сегодня вам чек на двадцать тысяч послал, на библиотеку, а в театре и на галерке могу постоять, все равно больше одного акта не выдержу, сморит». Шли, рассказывались, ждали, пока совещание откроет граф Алексей Александрович Бобринский, сахарозаводчик, главный конкурент Родзянке, тот в северную столицу переметнулся, на Запад глазом косит, хохол чертов, с Гучковым трется, с англофилом...

Бобринский поздравил собравшихся со свободой, дарованной «культурным и деловым сословиям» государем-императором, самодержцем российским, и слово предал Юлию Петровичу Гужону. Тот, черт, никому не открывал, что будет главным докладчиком, они все, гасконцы эти самые, вроде нехристей, право слово, такие же мыльные...

Заговорил, однако, хорошо, сразу взял быка за рога, этого не отнять.

— Мы, деловые люди, понимаем царский всемилоштивейший манифест как последнее слово добра, обращенное к бунтовщикам: «Хватит! Теперь, отныне и навсегда, пусть воцарится мир и благоденствие у нас на родине, теперь требования всех слов, даже самых бедных, удовлетворены, теперь работать на благо и расцвет державы!» Для того, однако же, чтобы наша помощь государю была более действенной, мы, пользуясь дарованным правом организации союзов и партий, должны сегодня же возвестить России о создании «Московского союза фабрикантов и заводчиков!»

Похлопали.

Далее Гужону предстояло сказать главное, и это главное — он и его единомышленники понимали — не по вкусу «обожаемому монарху»: однако же он сам все отдал! Значит, теперь надо вовремя застолбиться, на то и Дума, чтобы там работать, через нее к министрам подбираться.

— Что мы, деловые люди России, считаем ныне самым главным? Развитие промышленности. Ни в одной стране Европы

О г о н е к

— Алексеев туда же, в благотворительность ринулся, — вздохнул Осташов, — театр открыл, присвоил себе срамное польское имя — Станиславский. Верно про него говорят: «Сколько их, куда их гонят, и к чему весь этот шум? Мельпомены труп хоронит наш московский толстосум!» От благотворительства не только к дворянству один шаг — к революции. Богдановские сынки вместо того, чтобы чай с отцом развешивать, бомбы делают, куда дело-то пошло, а?!

Гужон сразу же записал про Станиславского — коллекционировал рифмы.

Осташов достал старинные, потертые часы, открыл крышку, поглядел на циферблат:

— Не опаздывают?

— Еще десять минут, — откликнулся Рябушинский. — Время есть, значит, опоздают. Мы, русские, чем больше времени имеем, тем шалопаистей им распоряжаемся, оно для нас вроде денег — неслучайное. Ничего, новая пора пришла, она научит время ценить, новая пора дала свободу —

громили. Не умеют власти держать на Руси, особо в то время, когда быстро поворачиваться надо, не умеют...

— Чего ж ты новое время ругаешь, старик? — ухмыльнулся Рябушинский. — Ишь, как разговорился! И по сторонам не зыркаешь, а раньше-то, небось, лишнее слово боялся произнести!

Прозвонил второй звонок. Двинулись в зал, раскланиваясь со знакомыми: сверкал улыбкой общий любимец (хоть и поляк) Владислав Жуковский, жаль только — металлург, но с истинно русскими, московскими почтенными льняниками и суконщиками водил дружбу, имел знакомства на Западе, поскольку сапортировал семье английских текстильщиков Джерси, продававших свой товар на нижегородской ярмарке, и фасонщикам салона Пуарэ — все купеческие жены получали от него к рождеству альбом с новыми, на следующий год выкройками; сухо раскланивался Нобель, шел, будто аршин проглотил; егосил глазами нефтяник Лианозов, одетый как всегда, с иглы, обшивал его один лишь Делос, лучший портной; чesал лохматую бороду Розов, выставя напоказ свои стоптанные сапоги, вертит, черт,

нет такого рынка сбыта, как у нас, нигде нет такого резерва рабочей силы. Ни в одной стране мира так не ощущается недостаток капитала — и у правительства, которое ищет сейчас займ, и у населения... Капитал не так легко производить, как людей, к тому же рождающиеся не приносят с собою оборотных средств.

Посмеялись. Одни громче, другие сдержаннее. Осташов хранил непроницаемость: «Сегодня свобода, а завтра от тюрьмы откупайся».

— К чему сводятся мои предложения? Кредит и капитал нам может дать за граница, больше получить неоткуда. Какова предпосылка для притока капитала? Широкое поле приложения. Я должен открыто и безбоязненно сказать, что нынешние казенные железные дороги в России убыточны!

Тишина в зале. Согласны-то все, но молчат — слышно, как муха летает, глазами друг на дружку косят, будто кони на ипподроме, когда на финиш вырвались.

— Я предлагаю нашим депутатам поставить в Государственной думе вопрос о передаче казенных железных дорог в руки частных компаний, причем государству будет выплачен выкуп, размер которого долж-

на будет решить экономическая секция, избранная народными посланцами. Если мы окажемся хозяевами эксплуатации железных дорог, капитал из Европы потечет к нам рекою. Говорят, непатриотично ставить вопрос о казенных дорогах, неловко требовать их передачи в наши руки. Ой ли? Если можно и патриотично занимать деньги в Европе на броненосцы и на строительство оборонительных линий в тайге, то отчего же непатриотично употребить иностранный капитал на освоение окраинных районов, где в земле лежит золото, не тронутое еще никем?! Я также утверждаю, что винный акциз не приносит казне такого дохода, который бы она получила, отмени государственную монополию на продажу водки и спирта! Я хоть и француз, но Россия для меня истинная родина, я добра моей родине желаю: не управиться нам одним, без включения иностранного капитала в наши эксплуатационные компании, придется пустить иностранцев в наши акционерные общества, пустить на равных, не тыкая им в лицо, что не русские они... Иначе, коли не пригласим иностранцев с их франками, фунтами и долларами, будет продолжаться наша зависимость от казны, от бюрократов, от казенных заказов, не будем мы себе хозяевами, все на прежние рельсы вернется, а этого допустить нельзя. Я не тороплю вас с немедленным ответом, но убежден, что здравый патриотизм возобладает над традиционным...

Рябушинский помог:

— Квасным! Нечего церемониться, Юлий Петрович. Квасным, избяным, темным!

— На что голос возвышаешь?! — воскликнул Остахов, и все поняли, что старик подстраховался, зла в нем не было, одна обязанность. — Грех такое говорить!

Рябушинский громко спросил:

— Хоругвь в пролетке привез? А, Прокоп Филиппыч? Или в Охотном ряду, в одежном товаре оставил?

Гужон речь свою строил умно. Он, как и каждый здесь, отстаивал с в о й интерес, но коли Рябушинскому или Алексею это было легче делать, то ему, француз, — куда как трудней. Все собравшиеся полагали: где один француз влез, там еще трех жди.

циях: что не удавалось другим иностранцам, у него выходило. Разговор с купцом Гужон строил хитро: сначала успокаивал привычным, потом глушил неожиданным, под это протаскивал свое, самое важное, а потом отработывал назад, звал к братству и твердости — это здесь всегда ценили. Также ценили и гру у м а, за это многое прощали. Гужон давно понял ошибку своих единоверцев: те судили о русском купечестве по статьям в газетах, но писали-то эти статьи разночинцы и дворяне, они делом гребовали, торговли сторонились! Разве можно судить о профессии по отзыву тех, кто профессии не знал и презирал ее снисходительно?! Гужон часто ходил в Малый — не столько смотреть Островского, сколько слушать его. Царство-то темное, да в нем не один светлый луч, в нем много лучей, и каждый своим цветом отдает.

Поэтому сейчас, не обращая внимания на шум (обсуждали его слова, спорили), Юлий Петрович легко перешел к тому, что должно было за к р е п и т ь успех первой части его выступления — по поводу иностранного капитализма. Заговорил особо проникновенным голосом — когда таким голосом говорят, значит, соврать норовят. Вот пусть и гадают, норовил ли.

— Теперь о тактике нашего союза. Мы должны, отбросив личные симпатии и антипатии, объединиться накрепко, сплоченности рабочих должна быть противопоставлена наша сплоченность! На забастовку — локнут, поголовное увольнение! Когда без работы походят, поголодают, тогда вернутся тише воды, ниже травы...

Заплодировали, наконец.

— Кто безработному поможет, кроме хозяина? Никто не поможет. Кто его накормит, кроме нас? Никто не накормит. Про это следует помнить постоянно! Но, случилось раньше, один из нас рассчитает смутьянов, а другой берет их к себе, выдывая копейку. Послушайте, что записано в уставе немецких работодателей: «Члены союза обязаны не принимать к себе на службу участвовавших в стачке рабочих и служащих». Принимаем такой параграф?

Снова заплодировали.

— Я прочитал всего Лассалья...

— Кого? — донеслось из зала.

— Лассаль, он с Марксом дискутировал.

— Посовестился сказать «работал»? — выкрикнул Морозов. — Не дискутировал он, а работал!

— Пусть так, Савва Тимофеевич, тебе про марксистов больше меня известно, — отпарировал Гужон. — Так вот, у него есть строчка, что, мол, профессиональные союзы рабочих должны быть независимы от политических обществ. Придется нам покрутиться, надо будет поискать умных людей в новых партиях, в их газетах, довести это мнение Лассалья до читающих рабочих — нам-то они не поверят, а Лассалю поверят. Социал-демократы ныне, особенно их левая группа, развернули активную работу в профессиональных союзах рабочих. Мы должны этой работе поставить барьеры, самые решительные, вплоть до обращения с интерpellацией в будущую Государственную думу по поводу преступного подстрекательства!

— Верно! — крикнул Остахов. — Поддерживаю!

— Мы должны постоянно работать с профессиональными союзами рабочих, дабы удержать их от политики. Идеально было бы, вообще-то говоря, поспособствовать созданию контролируемых рабочих союзов, втолковывая разумным, управляемым профессиональным лидерам, что в Германии, например, профсоюзная борьба с предпринимателями носит мирный характер и далека от той стачечной драки, которая отличает Россию...

— Так то ж немец! — крикнул Лианозов. — Он порядок чтит! Нашему рабочему порядок поперек горла стоит!

— Ты об своих армянах чего не говоришь? — смешливо воскликнул Мамонтов. — Ты что на русских нападаешь?!

— Мой армянин ради выгоды и на поря-

док согласится, — ответил Лианозов. — А русскому выгоды хоть в нос суй, все равно откажется, только б криком душу облегчить!

— Господа! — Бобринский зазвонил в колокольчик. — Юлий Петрович еще не кончил свое выступление.

— Да в общем-то и кончил, — ответил Гужон. — Главное успел высказать, а теперь и прения веселее пойдут... А заключить я хочу стихами, мы сегодня с Павлом Павловичем весь день рифмами пикируемся... Сейчас гнусность про нас в «Речи» напечатали, и я не побуюсь ее процитировать: «Московское купечество, изломанный аршин, какой ты «сын отечества», ты просто сукин сын!» Докажем же трудом своим, что мы истинные сыны отечества, а те, которые печатают гнусности о лучшей части общества, и есть истинные сукины дети!

Председателем «Союза московских заводчиков и фабрикантов» после тяжелых прений избрали Гужона, протянув, таким образом, руку европейским финансистам: еще бы, француза председателем русского союза сделать, такого раньше и примечать нельзя было... Одно слово — свобода.

5

Татаров чуть не вбежал в охранку, постоянно озираясь и затравленно вздрагивая. Тело его было напряжено с той поры, как он, подчиняясь ледяным глазам Савинкова, пришел на улицу Шопена, в дом десять, к госпоже Кремер. Ему казалось, что мускульное деревянное напряжение оттолкнет пулю, не даст ей порвать кожу, расщепить кость и расползаться свинцовым бутоном в мягкой теплоте печени. А то, что стрелять в него будут, он уверовал, когда увидел дворик дома на улице Шопена — затаенный, тихий; стоявший в глубине особняк соседствовал с пустырем. Хоть в голос кричи — не услышат. Татаров, на счастье, заметил дворника, метнулся к нему:

— Кто проходил в дом? Три господина? Да?

Протянул полтинник дрожащей рукой, поторопился к об а р я, опасаясь, что целят в него из окна:

— Ну! Какие они? В поддевках, русские?

— Мужики, — согласно кивнул дворник. — Сапоги бутылочками...

Татаров вспомнил лицо Савинкова, вошедшего в их дом, его улыбку, когда раскланивался с матерью Евдокией Кирилловной, заботливый вопрос: «Паркет не запачкаю, может, тапочки позволите?» Успокаивал, садист, лгал: «Николай Юрьевич, я вынужден прийти к вам, оттого что сюда приехали Чернов, Аргунов и Натансон. Мы должны до конца решить все наши вопросы. Вы придете завтра вечером на улицу Шопена, в дом десять?» Татаров тогда ответил: «Борис Викторович, подозрения, брошенные на меня, напрасны. И вы сами это знаете; разве бы вы пришли ко мне и назвали адрес, где соберутся четыре члена ЦК, коли б верили, что я провокатор? Борис Викторович, клянусь вам, провокатор — «Толстый»; Евно Азеф служит департаменту, именно он!» Савинков опустил глаза — ненавидеть его к Татарову было трудно скрываемой: «Вот вы и расскажете товарищам, как собрали данные на Азефа».

Когда дворник сказал про бутылочки, Татаров сразу же вспомнил Чернова, который сапог натянуть на спичечные икры никогда б не решился, чахоточного Натансона он вспомнил, барственного Аргунова, который и на каторге, в халате, с тузом на спине, был барин; понял: засада, будут убивать. Ринулся в охранку, став д е р я н н ы м, — ждал выстрела в спину.

Попов принял не сразу; про то, что Татаров состоял секретным сотрудником Петербургской охранки и освещал эсеров лично Лопухину, бывшему до недавнего времени директором департамента, он не знал да и не мог знать. Лишь когда ротмистр Сушков, побеседовавший с Татаровым, сообщил об этом полковнику — «агент, в панике и страхе, открылся», — состоялась беседа.

и е

Это, конечно, хорошо, что их деньги придут, но ведь с деньгами-то свой дух приволюют! Боялись купчики за привычный уклад, который и без Гужонов давно уже Мамонтовы с Морозовыми начали рушить, нанюхались в монте-карлах проклятой Европы, а она хуже холеры, руки не отмоешь — в душу влазит.

Однако за долгие годы, проведенные в России, Гужон научился русской купеческой хитрости, законспектировав своего средневекового единоверца Олиария, посещавшего Москву. Особенно Гужона заинтересовала запись о том, как Олиарий наблюдал продажу сукна в Охотном ряду: московские купцы продавали аршин за три с половиной эю, а покупали у англичанина за четыре. Олиарий не мог понять, какая же здесь выгода может быть, стонал по поводу таинственного характера скифов, а Гужон все уяснил сразу: брали у англичан в долг, а на сохраненные живые деньги разворачивали торговлю, влезали в село, качали мед, закупали пеньку и с лихвой гасили платежи, в выигрыше еще оказывались. Эта постепенность, наивно-хитрая, у г о в а р и в а ю щ а я, стала для Гужона некоей о т м ы ч к о й в его деловых опера-

— Как же вы эдак-то расконспирировались первому встречному? — удивился Попов. — Не гоже эдак-то, Николай Юрьевич, беспорядок получается.

— За вами бы гонялись — открылись бы кому угодно, — ответил Татаров. — Надо что-то предпринимать, господин полковник, немедленно предпринимать. Я убежден, они сейчас вокруг охраны ходят, меня ждут, стрелять станут прямо на улице.

— Да не паникуйте, не надо, — поморщился Попов. — Мы хозяева в империи, а не они, слава богу. Кому охота веревку натягивать на шею собственными руками?

— Вы не знаете их, а я с ними жил бок о бок восемь лет! Я с Сазоновым дружил, с Калеевым! Азеф на все пойдет — лишь бы меня уничтожить!

— Почему? — подался вперед Попов: он слышал, что Азеф, он же «Азиев», «Иван Николаевич», «Филиповский», «Раскин», «Виноградов», «Даниельсон», связан с охраною — об этом шепнул начальник особого отдела Ратаев, когда приезжал с инспекцией в Варшаву и принят был по высшему разряду, с апартаментами в особняке генерал-губернатора. — Откуда вам это известно? Кто сообщил?

Татаров споткнулся — страх сыграл с ним злую шутку: о своей работе против Азефа он не имел права говорить никому. Ему было так предписано — строго-настрого. Истинных причин он, естественно, знать не мог, а они были в высшей мере интересными, показательными, объясняющими ключевую сущность царской охраны.

Дело заключалось в том, что в конце 1905 года начальником петербургского отдела стал генерал Александр Васильевич Герасимов, и стал он начальником охраны как раз в то время, когда был уволен в отставку директор департамента полиции Алексей Александрович Лопухин: дворцовый комендант, генерал Трепов вошел в его кабинет после гибели великого князя Сергея Александровича и бросил в лицо: «Убийца!» Именно он, Трепов, просил Лопухина выделить тридцать тысяч рублей золотом на усиление охраны Сергея Александровича — тот отказал: «Нас бомбисты шантажируют страхом, никто не посмеет поднять руку на его высочество, да и охраняем мы великого князя достаточно надежно». После того, как Лопухина сбросили, Герасимов чертом ворвался в охранку, обозвал своих предшественников «гувернерами в белых перчатках», оттягал у «старичков» — Рачковского и Ратаева лучшую агентуру (Азефа в первую очередь) и начал все мять под себя: «Я научу, как надо работать!»

Люди, служившие в охранке, были лишены общественного интереса, однако профессия гарантировала хорошие оклады содержания, возможность быстрого служебного роста, бесконтрольность в тратах казенных средств — каждый из них думал о себе лишь; о деле думали «постольку-поскольку», ибо труд, лишенный заинтересованности, вырождается в шутарство, в унылое ремесло, в отчетный рапорт о количестве заагентуренных проходивцев и числе доносов, полученных от них. Именно это шутарство, эта мелкость охраны подвигли старейшину российского политического сыска Рачковского на то, чтобы через пятые руки, змейски отдать эсерам Азефа, поскольку тот отныне перестал быть его личным агентом, сделавшись осведомителем конкурента — генерала Герасимова. Поэтому-то Николай Юрьевич Татаров и оказался фишкой в руках людей, страдавших ущербностью служебных амбиций, поэтому-то его аккуратно подвели к идее о целесообразности разоблачения Азефа. При этом была разыграна комбинация сложная и умная: Татарову было внушено, что сейчас, когда революция шла лавиной, он обязан думать о своем будущем и свою службу в охранке должен объяснить «товарищам» — узнай они об этом — страстным желанием разоблачить главного провокатора партии, члена ее ЦК и создателя боевой организации Азефа.

Начальник особого отдела Ратаев не мешал этому по иной причине: Азеф, отве-

чавший перед охранкой за освещение центральных актов — то есть за покушение на особ царствующей фамилии и ведущих сановников, — дал возможность своим «головорезам» казнить министра Плеве, не предупредил, сукин сын, сыграл «двойную», перекадывая при том вину на Ратаева: «Я вам сообщал вовремя, сами виноваты, что не убергли». Поэтому ему, Ратаеву, устранение Азефа — а устранение разоблаченного провокатора у эсеров являлось однозначным — было выгодно, прятало концы в воду.

...Попов долго разминал Татарова, заметив во взволнованном визитере слом после своего вопроса, отступил, начал вспоминать работу против анархистов, дал собеседнику успокоиться, а потом подкрался снова:

— Так что же произошло? Объясните толком, Николай Юрьевич, мне ведь в потемках трудно вам помогать.

— Простите, я не имею чести знать ваше имя и отчество...

— Игорь Васильевич меня зовут.

— Очень приятно... Так как же выходит, Игорь Васильевич, — улыбнулся Татаров, отошедший в надежных стенах охраны от ужаса, — сами меня корили за то, что расконспирировался... Я ведь только столице подчинен...

— Тогда в столице и просите о помощи, — лениво ответил Попов, зорко заметив наступившую успокоенность собеседника. — Вы же ко мне пришли не чай с бубликами пить, как я понимаю.

Татаров спросил разрешения закурить, раздумывал, как ответить, обжег пальцы, выиграв на этом еще какое-то мгновение, и, наконец, сказал:

— Недавно я был откомандирован в Женеву для того, чтобы увидеться с членами ЦК. Господа из охранного отделения Петербурга снабдили меня средствами для создания легального издательства эсеров: это, по мнению генерала Герасимова, будет центр, вокруг которого соберутся все руководители партии — подконтрольность, как понимаете, полная. Я сделал все свои... Татаров быстро глянул на Попова, неловко поправился, — все наши дела за неделю, готовился уезжать домой, сюда, в Варшаву. А Чернов попросил задержаться, сказал, что надо обговорить подробности и уяснить детали, связанные с началом работы издательства.

Татаров глубоко затынулся, заерзал в кресле, вспомнив бледного Савинкова, когда тот пропустил его в квартиру Гоца; лица Тютчева и Баха чужие, тяжелые, обернутые к нему в полуфас или профиль; в глаза никто не смотрел, словно бы опасались соприкоснуться.

— Николай Юрьевич, хочу просить вас ответить по чести, открыто, от сердца: каким образом вы получили деньги на издательство? — спросил тогда Чернов.

Татаров заставил себя сыграть обиду, хотя сердце ухающе обвалилось от ужаса: — Чем вызван такого рода интерес?

— Тем, что мы намерены взять издательство под свое руководство, чем же еще, дорогой мой?! Вы старый революционер, вы «Рабочее знамя» организовали, в Петропавловке двадцать дней голодовку держали, опытный конспиратор, — как можно без проверки, не глядя на заслуги, рисковать?!

— Согласен, — несколько успокоился Татаров, решил, что нервы разгулялись, — совершенно согласен, Виктор Михайлович. Я кому-то из наших отвечал: Чарнолуцкий, либерал, миллионщик, предложил мне двенадцать тысяч серебром — боится революции, с нами поэтому заигрывает, не ровен час — победим... Книгоиздатель Ситрон, Лев Наумович, обещал печатать первые наши издания в своей типографии...

— Вы с Чарнолуцким давно знакомы? — С полгода. Мне его кандидатуру Зензинов подсказал, он может подтвердить.

— А зачем подтверждать? — удивился Чернов и уперся взглядом в Татарова. — Свидетелей суду представляю, вы разве на суд пришли, Николай Юрьевич? Вы к товарищам по борьбе пришли, разве нет?

— Конечно, конечно, — совсем уж успокоился Татаров. — Именно так! Меня вела

в заблуждение холодность вашей интонации, Виктор Михайлович.

— Ситрон где обещался нас печатать? — спросил Тютчев.

— В Одессе.

— Вы когда с ним видались-то? — продолжал Тютчев рассеянно.

— Да перед самым отъездом, — снова почуяв тревогу, ответил Татаров.

— В Петербурге? — уточнил Тютчев тихим голосом.

— Не помню... Может, в Москве...

— А вы вспомните, — попросил Чернов. — Это важно, все мелочи надо учесть, мы ведь уговорились.

— Да, вроде бы в Москве, — ответил Татаров. — В кондитерской Сну мы с ним кофей пили.

— Зачем врете? — спросил Тютчев грубо, сломав все, что было раньше. — Ситрон типографию в Одессе продал еще в прошлом году, он в Николаеве дело начал, оттуда и не выезжал ни разу.

Татаров заставил себя усмехнуться:

— Экие вы, товарищи... Увлечен я, понимаете, увлечен идеей! Ради этого со-врешь — недорого возьмешь! Когда сам горю, всех зажечь хочется...

— Ну, понятно, понятно, — сразу же согласился Чернов, — как такое не понять... Ну, а градоначальник разрешит нам издание? Ведь издательство надобно провести сквозь министерство внутренних дел.

Татаров тогда почувствовал, что более не может скрывать дрожь в руках, опустил ладони на колени, и в это время в комнату тяжело вошел Азеф, вперились маленькими глазками в лицо Татарова, засопел, сразу полез чесать грудь.

— Ну так как? — спросил Тютчев.

— С министерством внутренних дел обещал помочь граф Кутайсов, — ответил Татаров, загнипнотизированный буравящим взглядом своего врага, Азефа, гиппопотама чертова.

— Кутайсов приговорен партией к смерти, — сказал Савинков. — Вы знали об этом?

— Знал... Вы что, не верите мне? — прокашлял Татаров. — Я ж десять лет отдал борьбе...

— Дегаев отдавал больше, — заметил Тютчев.

— Признайтесь сами, — впервые за весь разговор вмешался главный химик партии Бах. — Мы гарантировали Дегаеву жизнь, когда предлагали ему открыться. Мы готовы гарантировать жизнь вам, если вы скажете правду.

— Товарищи, — прошептал Татаров, покрывшись ледяным, предсмертным потом, — товарищи, вы не смеете не верить мне...

Чернов поднял глаза на Савинкова и, не отрывая от него взгляда, проговорил:

— Я думаю, что мы выведем Татарова из всех партийных комиссий до той поры, пока он не объяснится с партией по возникшему подозрению. До той поры выезд из Женевы ему запрещен. В случае самовольной отлучки мы будем считать его выезд бегством и поступим в соответствии с партийными установками.

...Татаров попросил разрешения Попова закурить еще одну папироску и закончил:

— Той же ночью я уехал, думал отсидеться здесь, у стариков, но Савинков нашел меня. Улица Шопена, десять, он оттуда, верно, только-только ушел, его на вокзале надо искать, Игорь Васильевич.

...Попов вызвал Сушкова, отпустив успокоенного им Татарова: «Поставим вам негласную охрану».

— Савинкова мы скорее всего упустили, — сказал Попов, — обидно, конечно, лакомый он для нас, но, сдается мне, его покудова департамент брать не хочет — наблюдают, не исчезнет... А Татаров... Что ж, пошлите завтра или послезавтра людей, пусть поглядят, нет ли эсеровских постов.

— Может, поставить засаду на квартире? — спросил Сушков простоудно, не поняв замысла Попова, долгого замысла, развязывающего охранке руки в терроре. Да и потом, коли б Татаров свой был — оберегли бы, а тут чужой, столичный, что

за него морду бить и копыа ломать? А кровь его будет выгодна, она многое п о з в о л и т, ох, многое!

— Ну что ж, может, стоит, — отыграл Попов, усмехнувшись тонко (со своими-то ухо надо особенно остро держать, сразу з а л о ж а т), — продумайте только, кого из филеров направить, разработайте план, покажите мне, завтра к вечеру успеете?

Сущков, наконец, понял, осклабилась:

— Или послезавтра.

Попов снова отыграл:

— Тянуть не след. Коли время есть, сейчас и решайте, меня найдете попозже в кабаре или на квартире Шабельского — я там поработать сегодня хочу.

А в это время Савинков прощался на вокзале с Федором Назаровым, горько прощался, считая, что оставляет товарища на верную смерть. Назаров отказался от группы прикрытия: «Зачем людей зазря подводить под расстрел — сам управлюсь». Савинков настаивал. Назаров отмалчивался и отнекивался, потом рассердился:

— Вы что надо мной лазаря поете? Зачем в лицо заглядываете? Покойника живо го изучаете, чтоб потом в своих стихах описать? Сколько денег за вирши платят? По нонешним вашим привычкам — проживете? — приблизился к Савинкову, прошептал: — Неужто наш идеал такой же сытый, как ваша жизнь?

— Вот таким ты мне нравишься, — с трудом оторвавшись от его лица, сказал Савинков. — Таким я тебя чувствую, Федор. А про идеал мой — не надо. И не потому, что я, как руководитель, запрещаю тебе говорить о нем, а оттого, что идеала нет. Ни у тебя, ни у меня, и это правда. Ты ненавидишь тех, кто сыт, кого на дутиках ваньки катают — это ты нищету свою отрывгаешь, Федор, будущее не видится тебе, ты кровью живешь, — и не возражай, я прав. Что касасяемо моего идеала, к ответу тебе, я обязан ответить. Самодержавие изгнано, Федор. Его нет — видимость осталась. Безвластие в России невозможно и еще более кроваво, чем нынешняя, убогая, неуверенная в себе власть. Поэтому я хочу, я, Савинков Борис Викторович, свалить прогнившее, чтобы утвердить новое. И это новое обязательно будет воздать мне, воздать сторицей. Поэтому я пришел в террор и руковожу им. Ты ненавидишь сытых и не хочешь замечать голодных. Так? Что ж, программа. Я ее приемлю. Только у меня есть своя: я хочу, чтобы новые сытые были умными. Я хочу, чтоб они мои стихи, — Савинков играл скулками, — вирши, как ты изволил выразиться, чттили, как откровение от Ропшина. Деньги нужны?

Назаров усмехнулся:

— Я думал, только во мне холод — в вас он пострашней. Деньги не нужны — хватит тех, что дали.

Савинков руки не протянул, молча кивнул, пошел к своему вагону: два колокола уже отзвонило, проводники начали гнусаво скрикивать пассажиров и упреждать провожающих.

Спустя пять часов Назаров зарезал Николая Татарова у него на квартире. Убивал он его трудно: набросились отец с матерью, старались вырвать нож. Сопротивляясь кричащим, цепучим старикам, Назаров ранил старуху, отца, протоиерея, свалил на пол, а Татарова пришил — нож вошел в шею, возле ключицы, податливо, вбирающе, разом.

...Попов позаботился о том, чтобы описание злодейского убийства, «совершенного революционерами в их слепой злобе», обошло с помощью начальника сыскной полиции Ковалика все варшавские газеты. Подготовленный с т р а х о м обыватель взроптал, затребовал гарантий. Попов начал готовить аресты: террор должен обрушиться на самую сильную революционную организацию, на социал-демократов, Дзержинского, на тех как раз, которые всегда выступали против индивидуального террора.

Продолжение следует.

• КОНКУРС
ЧИТАТЕЛЕЙ

СТРОКА
В БИОГРАФИЮ
СТРАНЫ

«НАС БЫЛО ТРИ БРАТА»

В молодые годы работал я делопроизводителем Бугаевского волревкома на Изюмщине. Летом 1921 года вступил в ряды комсомола. Это был период ожесточенной борьбы с кулачеством. В нашей волости кулаки срывали подрастертку, прятали хлеб, вели агитацию против сдачи его государству, убивали коммунистов, комсомольцев, грабили и терроризировали бедноту.

Вот один из эпизодов бандитского налета, свидетелем которого я был. Погостим зимним днем 1921 года в слободе Бугаевке проходило собрание крестьян. В помещении школы собралось много народа, стало душно, и тогда решили продолжить собрание на открытом воздухе. В это время показались всадники, спускавшиеся с горы. Все решили: прибыл продовольственный отряд. Но красное знамя, развешавшееся впереди, оказалось только прикрытием. В слободу ворвалась бандитская шайка и начала бесчинствовать. В ход были пущены винтовки, обрезы, сабли. Бандиты схватили комиссара Воронина и на глазах у крестьян учинили над ним кровавую расправу. В слободе Чернобаевке жертвой бандитского налета пал молодой военком Бугаевской волости Фетисов.

Кулацкие банды нашли себе пристанище в лесах Старобельщины, оттуда и совершали нападения на нашу волость.

В таких трудных условиях, в обстановке ожесточенной классовой борьбы в деревне, создавалась Бугаевская комсомольская ячейка. Первыми ее членами были Гриша и Петя Кириченко, Яша Терещенко, Шура Оляк, братья Филипповы, Мария Пономарева, Галка Молдовская, Пашенко и я. Секретарем была Таня Филиппова, а позже Яша Терещенко. Смелые, честные и преданные Советской власти ребята проводили собрания бедняцкой молодежи, разоблачали кулацкую агитацию, вели просветительную работу. Успешно действовал подвижной отряд по борьбе с бандитизмом. Военный комиссариат возглавлял старый коммунист И. Ф. Еременко.

Осенью 1923 года меня как

активного комсомольца Изюмский уком КСМУ откомандировал на учебу в Харьковскую двухгодичную советско-партийную школу имени Артема. В 1925 году я был принят кандидатом в члены КП(б)У. По окончании совпартшколы я был направлен в Андреевский район секретарем райкома комсомола.

В те годы мне часто приходилось бывать в слободе Моспаново. В 1925 году, в канун празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, комсомольцы проводили собрание молодежи. Час был поздний, и многие остались ночевать в избе-читальне. Узнав об этом, кулацкие наемники закрыли снаружи ставни, подперли двери бревнами и подожгли хату. Комсомольцы проснулись, когда вся читальня была объята пламенем. Но ребята не растерялись: выломали ставни и вышли через окно. Подобные случаи не были редкостью.

Осенью 1927 года я был выдвинут на работу в аппарат окрисполкома. Живая комсомольская среда прямо-таки захлестывала и вовлекала в водоворот бурной общественной жизни. Витя Орлов, Митя Гуляев, Вася Деревянко, Деля Макухин, Коля Карпов, Миша Стендер, Мария Пономарева, Женя Старухин, Поля Кривич, Шура Дегтярев и другие комсомольцы из горячеей были настоящими людьми с горячими сердцами, идейными помощниками партии. Помню, был у нас комсомолец Носик, отвечавший за шифскую работу в хуторе Снежновка. Дорога туда проходила через заброшенную плотину водяной мельницы, а дальше через лес. Однажды поздним зимним вечером бандиты подстерегли возвращавшегося домой комсомольца Носика и зверски убили его. Труп, брошенный под лед Дона, был обнаружен лишь весной во время половодья. Этими злодейскими делами враги революции рассчитывали запугать нас. Но место павшего товарища заняли другие мужественные комсомольцы.

Только теперь, по истечении многих лет, отдаешь себе отчет в том, какую огромную помощь оказывали комсомольцы в деле переустройства деревни, в создании революционного переворота в сельском хозяйстве страны.

Нас было три брата. Все мы комсомольцы и коммунисты двадцатых годов. Старший брат, Николай, всю гражданскую войну сражался в рядах Красной Армии, боролся за становление нашего Советского государства и Борис. Мне уже за семьдесят, но я часто вспоминаю боевую юность товарищей-комсомольцев Изюмщины, которые в те трудные годы создавали свою страничку в биографии страны.

Р. ФРОЛОВ,
член КПСС с 1928 года

Москва.

Николай, Ростислав и Борис Фроловы.

**С. КАЛИНИЧЕВ,
фото
Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Не побоюсь утверждать, что свою педагогическую практику Владимир Иванович Качанов начал, когда ему было семь лет. Его старший брат Лука Иванович после гражданской войны организовал в родном селе Нечаянном первый колхоз. Объединились сначала восемь бедняцких семей, а к концу года их было уже больше сорока. И назывался колхоз самым модным в то время именем — «Красный пахарь».

В страдную пору, когда все от мала до велика находились в поле, детишек девать было некуда. Их забирали с собой в поле. Которые постарше, лет восьми-девяти, те помогали взрослым, а самых маленьких устраивали под навесом. Это был первый колхозный детский сад. За няньку, воспитателя и сторожа при нем состоял семилетний Володя Качанов.

Потом маленький «нянь» поступил в Нечаянскую четырехлетнюю школу колхозной молодежи. Когда школа стала семилетней — уже в тридцатые годы, — окончил седьмой класс, поступил на рабфак, оттуда — в институт и возвратился в родное село учителем. На пенсию Владимир Иванович ушел только в этом году...

1

ВСТРЕЧИ В НЕЧА

2

3

4

5

ЯННОМ

- 1** Бывшие мальчишки и девчонки — в актовом зале.
- 2** Выпускник школы 1977 года Александр Гложба работал в совхозе и на полях ученической производственной бригады и награжден медалью «За трудовое отличие».
- 3** «Отцы и дети». Герой Социалистического Труда комбайнер И. И. Ивченко и научный работник И. В. Шевченко.
- 4** Восемнадцать правительственных наград у полковника запаса В. С. Яковлева, выпускника 1936 года.
- 5** Главный врач Петровской больницы — выпускник школы 1963 года Г. С. Галушак.

Какая короткая и вместе с тем длинная жизнь!

День, о котором пойдет речь, стал одним из особенно радостных в этой жизни. В Нечаянскую школу, на традиционную встречу, собрались выпускники разных лет: одноклассники Владимира Ивановича, его ученики, дети его учеников.

Выходя из автобуса, многие сразу попадали в объятия давних друзей и родственников, вдыхали запахи колосющихся хлебов и цветущей акации. Те, кто давно не был в селе, едва узнавали его: почти все новостройки — дома специалистов, магазины, Дворец культуры, детский комбинат, школа — построены за счет совхоза «Нечаянский», прямого наследника и продолжателя традиций «Красного пахаря». Но сегодня, естественно, в центре внимания была школа. Люди постарше, ее довоенные выпускники, говорили друг другу:

— Это новая школа. Та, которую мы когда-то считали новой, теперь называется старой — в ней теперь мастерские: станки, верстаки и в разобранном виде автомобили и тракторы.

Пионеры и старшеклассники встречали прибывающих во дворе этой новой школы-красавицы: трехэтажной, с семнадцатью учебными кабинетами, актовым залом, спортзалом, столовой и садом. Гремел оркестр, празднично одетые старшеклассники готовы были все показать и объяснить гостям: занять их до начала официальной части. Но никого занимать не было нужды. Вот встретились братья Лож-

И снова зовет
школьный звонок —
на уроки.

ковы с братьями Епар. Одну школу оканчивали, в одной области (здесь же, в Николаевской) работают, а в кои веки сошлись вчетвером.

Поговорить нашлось о чем, общих интересов предостаточно: один из братьев Ложковых работает заместителем председателя облмежколхозстроя, другой руководит трестом зеленого строительства в Николаеве. Братья Епар — в Березанском районе: председатель колхоза, директор совхоза.

— Из нашего выпуска только три человека здесь, — говорит Николай Гаврилович Шерстюченко, — мы окончили десятый класс в сорок первом.

В ту суровую осень Николай Гаврилович ушел из села с последней нашей отступающей частью. Добровольцем вступил в армию, был артиллеристом-наводчиком, потом командиром расчета, трижды его ранило, один раз — тяжело. Воевали и три его брата.

После войны, окончив пединститут, Николай посвятил себя воспитанию детей, был учителем, завроно, ныне — директор станции юных техников.

Завидев полковника, появившегося на школьном дворе, Шерстюченко поспешил ему навстречу:

— Здравствуй, Вася, я тебя и не узнал сразу!

Полковник запаса Василий Сидорович Яковлев редко надевает военную форму. Теперь он помощник председателя горисполкома в Николаеве. А Нечаянскую школу окончил до войны.

— Из моих сверстников немногие остались живы, — говорит он. — Вспоминая наш курсантский полк, которым командовал Герой Советского Союза полковник Младенцев. В октябре сорок первого из каждого пятнадцати моих сослуживцев четырнадцать полегли на Волоколамском шоссе, не пропустив фашистов к Москве. Из трех с половиной тысяч курсантов остались живы и вернулись в училище всего около двухсот пятидесяти.

Звучит пионерский горн, и гости выстраиваются на торжественную линейку. Рядом стоят знатный комбайнер Герой Социалистического Труда Иван Иванович Ивченко и его ученик, кавалер ордена Ленина Николай Николаевич Штербов. Здесь же и сын Николая Николаевича — Георгий, тоже знатный комбай-

нер, награжденный орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Он начинал свой трудовой путь еще в школьной ученической бригаде.

Поднимается флаг встречи. Нынешний директор школы Валерий Иванович Ляшенко приветствует собравшихся.

— Наш школьный дом — крохотный островок Вселенной, — говорит он, — но откуда берут начало многие судьбы, замечательные судьбы! Нашу встречу мы посвятили 60-летию Советской власти, которая дала нам все. Вы, дети простых хлеборобов, выпускники одной сельской школы, взгляните на себя, взгляните на своих товарищей и скажите, при какой другой власти могло свершиться такое? Ведь в нашем селе до революции из каждых десяти взрослых восемь человек не умели читать и писать...

Всматриваясь в лица собравшихся, слушая их рассказ о себе, каждый испытывал гордость за наше Советское государство. Биографии этих людей литыми строками вписываются в проект Конституции СССР.

Председатель сельсовета в Нечаянном — выпускник школы Павел Дмитриевич Семенов, его сын — летчик, дочь — врач; секретарь сельсовета Домна Алексеевна Кучеренко — тоже выпускница этой школы. Восемьдесят процентов дипломированных специалистов совхоза, почти все учителя, медперсонал больницы, руководители местной торговой сети, выборные лица в общественных и партийных организациях — выходцы из этих школьных стен, многие из них учились в институтах по путевкам совхоза, за его счет получали стипендию. Даже новое, вот это самое здание школы строила здешняя выпускница Ольга Лозункова, окончившая Одесский инженерно-строительный институт.

Валерий Султанов прилетел на встречу из Баку. Он штурман авиации, водит красавец ТУ-154 из Баку в Киев, Будапешт, Улан-Батор... А от роду ему всего 25 лет. Мечтал стать летчиком и прямо из школы пошел в авиаучилище. Анатолий Евпакос решил стать моряком и стал им. Он капитан, водит суда через Атлантику. В Нечаянное Анатолий попал трехлетним ребенком. В 1941 году через село шли беженцы, и многие из них погибли в дороге под обстрелом и бомбежками. Ребенка приютила учительница Галина Семеновна Евпакова.

Тамара Федоровна Митина кончала эту шко-

лу дважды: седьмой класс в 1946 году, а одиннадцатый — в нынешнем. В годы фашистской оккупации ее отца, активного подпольщика Федора Дмитриевича Ресселя, казнили фашисты. Еще совсем девочкой в трудные послевоенные годы пошла она работать — сначала дояркой, а когда вышла замуж, стала помогать мужу-механизатору. Так появилась в Нечаянном знаменитая семья трактористов Митиных. С помощью мужа — Николая Семеновича — Тамара Федоровна овладела всеми тонкостями профессии сельского механизатора. Вскоре была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Подрос сын Виктор. Он научился управлять трактором еще в школе. Стала трактористкой и жена Виктора Галия. А там подросток и младший сын — Сеня...

Сейчас Семени Митину семнадцать лет. Он, работая в ученической бригаде и в школе механизаторов, отличился в прошлом году на уборке урожая, за что был награжден дипломом «Мастер — золотые руки».

— Люди стали хозяевами своей жизни, хозяевами в своем доме, а этот дом — наша социалистическая Родина, — говорил, выступая на встрече в школе, первый секретарь Николаевского райкома партии Петр Иванович Редько. — Благодаря заботам Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, Политбюро, которые возглавляет Леонид Ильич Брежнев, вот уже сколько лет никто не смеет нарушить нашу мирную жизнь. Успехи нашего мирного социалистического строительства отразились в проекте новой Конституции СССР. Возьмите эту нашу встречу, — продолжал Петр Иванович. — Вы видели новое здание и современное оборудование этой школы. Но у нас такая в районе далеко не единственная! Только за последние шесть с половиной лет здесь построено десять новых школ. Каждый десятиклассник, получая аттестат зрелости, приобретает какую-либо специальность. И по этой специальности мы в любую минуту готовы предоставить ему работу.

Выпускница школы, а теперь ее завуч Лидия Алексеевна Дробот рассказала, что за последние десять лет из питомцев Нечаянской средней школы вышло 67 учителей, 11 врачей, 26 строителей, 5 актеров, 3 художника, 15 ветеринарных врачей и зоотехников, 5 моряков дальнего плавания, 5 летчиков...

Николаевская область.

СЛУЖБА ПРИ «ТРАФАЛЬГАРЕ»

По редакционным кабинетам и коридорам лондонской газеты «Дейли экспресс» ходил энергичный незнакомец. Он совал нос в каждый угол, постукивал согнутым пальцем по стенам, проекался в лифте, нажимая то на одну, то на другую кнопку. Недавно он вот так же изучал отель «Ритц» — стучал пальцем, ездил в лифтах... А потом купил отель вместе со всем его штатом.

Теперь Виктор Мэтьюз, директор финансовой компании «Трафальгар», стал и хозяином «Дейли экспресс». Газета и отель. Что общего? «Мы — организация коммерческая, — сказал по сему поводу Мэтьюз. — Газетное дело — это обычный бизнес. Наша задача — делать прибыль».

На Британских островах газеты продают и покупают не впервой. Но никогда еще, пожалуй, подобные заявления не были столь категоричны и откровенны. Никогда вторжение промышленно-финансового капитала на Флит-стрит, в газетную империю, не было столь массированным и успешным. Чем интенсивнее идет этот процесс, тем четче сфера газетного бизнеса ограничивается узким кругом издательских концернов и групп. Конкуренция здесь столь остра, что позволить себе основать новую газету или купить старую можно, лишь обладая огромным состоянием. Причем все большую роль в перераспределении сфер влияния на Флит-стрит начинают играть компании, ворушающие даже не десятками, а сотнями миллионов фунтов стерлингов. Выражение «пресса монополий» обретает в данном случае вполне определенный смысл: речь идет о прессе, которая не только выражает интересы и формулирует идеи большого бизнеса, но и становится составной частью монополистических конгломератов, объединяющих под одной крышей производство стали, пива, газет...

На «Дейли экспресс» и на шедшие с ней

в одном наборе «Санди экспресс», «Ивнинг Стандарт» претендовало несколько покупателей. Были среди них, в частности, магнат пищевой индустрии Джеймс Голдсмит и Руперт Мердок, владелец десятка газет, радио- и телестанций, раскиданных по обоим полушариям. Победу, однако, одержала известная в Сити компания «Трафальгар» (капитал 400 миллионов фунтов стерлингов, торгующая недвижимостью, морской транспорт, строительство, отели, а теперь еще купленные за 15 миллионов три газеты).

Когда директор «Трафальгара» Виктор Мэтьюз говорит о прессе как о бизнесе, это звучит крайне цинично. Ни одна газета, выдавая себя за «источник беспристрастной информации и трибуну общественного мнения», сама в этом не признается. Лорд Бивербрук, бывший владелец «Дейли экспресс», говорил, например: «Мы занимаемся пропагандой...» Пропагандировал лорд взгляды крайне правые, поддерживал консерваторов из числа наиболее твердолобых. Но можно, оказывается, закупить со всеми ее потрохами и такую трибуну, а затем продиктовать ей стиль пропаганды, который будет правее прежнего. По поводу приобретения «Дейли экспресс» компанией «Трафальгар» газета «Обсервер», сама недавно перешедшая в собственность американского нефтяного короля из Техаса, пишет: «Мэтьюз вызвал циничные улыбки сотрудников «Дейли экспресс», когда сказал, что редакторам будет гарантирована свобода изложения их взглядов, если эти взгляды будут соответствовать его, Мэтьюза, политике».

Так в итоге было расшифровано столь подкупающее простое заявление «рубах-парня» из Сити о том, что газета для него — это всего лишь бизнес и прибыль. Выяснилось, что прибыль — это хорошо, без нее нельзя. Но еще важнее то, как эту при-

быль выколачивать. Мэтьюзу нужны редакторы, которые не любым способом увеличивали бы тираж газеты, обеспечивали приток рекламы, а с нею — и доходы, а идеологи определенного толка. Какого же? Слуги при «Трафальгаре» должны быть солидарны с его политикой — «консерватизм и капитализм».

Растолковывая свои взгляды на журналистику, Мэтьюз заявил, что намерен отдать предпочтение хорошим новостям перед плохими. «Если вы пишете о плохом, — сказал он, — моральные стандарты общества падают...» В эпоху экономического кризиса, снижения жизненного уровня и обострения социальных конфликтов Мэтьюз намерен выпускать газету, которая бы обходила молчанием эти болезненные проблемы. Прием в буржуазной журналистике не новый. Имя ему — дезинформация.

— Зачем писать о забастовках?! — воскликнул Мэтьюз. — Что, у нас нет других тем, что ли?

— Будут ли в таком случае репортажи о стачках публиковаться в ваших газетах? — тут же спросили его на пресс-конференции.

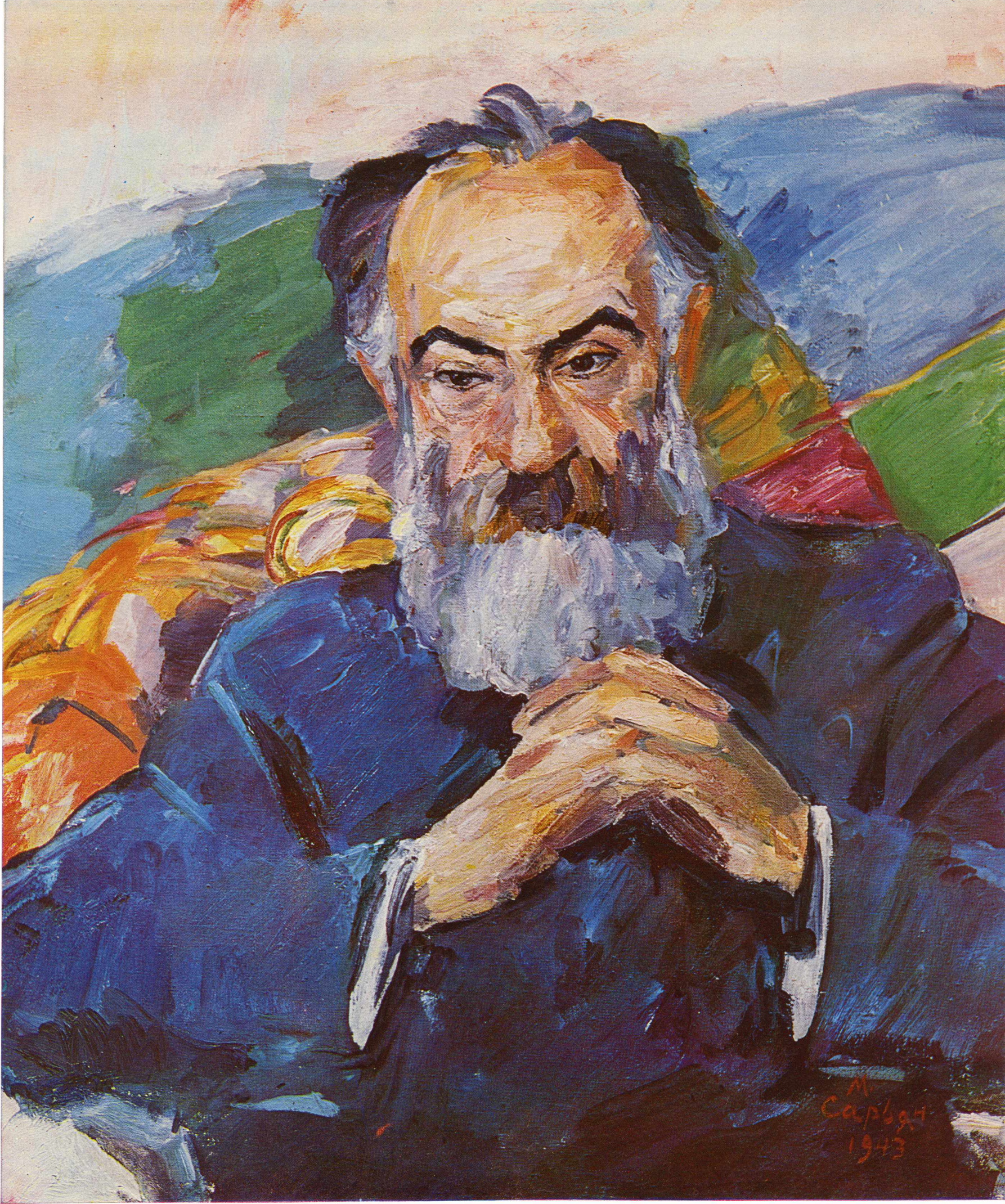
— Мои редакторы независимы, — ответил Мэтьюз. — Но если мы не найдем общего языка, я найду себе других редакторов.

Обратите внимание на откровенность оборотов. Журналисты спрашивают Мэтьюза о «его» газетах. Сам Мэтьюз говорит «мои» редакторы.

Прочтя об этом интервью, я вспомнил, что, купив отель «Ритц», Мэтьюз обрядил всех официантов в униформу нового покроя. Не собирается ли он теперь заназать ливреи «своим» журналистам?..

Э. ЧЕПОРОВ,
соб. корр. АПН —
специально для «Огонька»

Лондон.

М. Сарьян. 1880—1972. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА И. А. ОРБЕЛИ. 1943.

Государственная картинная галерея Армении.

А. Герасимов. 1881—1963. ПОРТРЕТ О. В. ЛЕПЕШИНСКОЙ. 1939.

ОЛЬГА ЛЕПЕШИНСКАЯ

В этом доме ничто не напоминает о профессии: нет ни красочных афиш, ни фотографий в театральных костюмах — вообще никаких свидетельств громкой славы; много книг и много цветов и постоянно звонящий телефон. Ольга Васильевна все время в разъездах, а когда оказывается в Москве, столько наваливается дел! Она стоит, придерживая телефонную трубку, вскинув голову, с абсолютно прямой спиной, потом садится, все такая же прямая... Да, ей нет нужды окружать себя предметами, доказывающими ее принадлежность к артистическому цеху; в каждом, даже самом будничном движении она настолько изящна и точна, что нетрудно угадать: балерина! И хотя существует мнение, что балериной, как и художником, как музыкантом, артистом, нужно родиться, Ольга Васильевна Лепешинская доказала, что балериной можно стать. Можно, вопреки природным физическим данным, вопреки мнению специалистов. Конечно, если иметь характер. Если быть личностью.

...Музыку Лепешинская любила с детства. И с детства решила танцевать, но в хореографическое училище восьмилетнюю Олю не приняли: показалось, рост маловат. Но все же чем-то девочка тогда заинтересовала экзаменаторов, — решили оставить кандидатом... А через год Лепешинская стояла в танцевальном классе у станка. Стояла в самом «хвосте», но зато официально зачисленная. Путь ее в училище так и шел: от «хвоста» к «голове». В первые ученицы.

В труппу Большого театра Ольгу Лепешинскую приняли в семнадцать с половиной лет, опять же вопреки правилам — сразу солисткой. В те годы в советском хореографическом искусстве произошел счастливый взлет. В театр пришли Г. Уланова, М. Семенова, А. Ермолаев, В. Чабукиани, К. Сергеев, М. Габович, И. Моисеев.

— Это было удивительное время, — вспоминает Ольга Васильевна, — тридцатые годы... Нас, комсомольцев, называли ровесниками Октября. Ровесники Октября! Это воспринималось тогда как олицетворение самой молодости: комсомольцы шефствовали над Метростроем, и, конечно же, мы, творческая молодежь Свердловского района, тоже бывали на стройке. Помню, мне дали отбойный молоток, и меня всю затрясло, мне показалось, что стучат не только мои зубы, но и все косточки. Однако пугало не это: больше всего я боялась показаться неловкой, смешной, неспособной выдержать то, что выдерживают другие... Чувство живого участия во всех делах, во всех событиях тех лет — вот самая яркая черта моей молодости и вообще моего поколения. Помню, днем я надевала сапоги и уезжала в подмосковный колхоз копать картошку, а вечером следующего дня выходила на сцену Большого театра — Аврора в «Спящей красавице». И это было замечательно — чувствовать, что самый пульс, весь ритм, в котором существует страна, это твой пульс и ритм...

Когда началась война, мы, комсомольцы, пришли в свой Свердловский райком с просьбой отправить нас на фронт. Нам отказали. Мне это показалось очень несправедливым — ведь я была ворошиловским стрелком! Да и вообще балетные танцоры — люди сильные, выносливые. Но нам сказали: «И здесь есть работа!» И правда, работа нашлась. Во время бомбежек люди спускались под землю, в метро, и нам, комсомольцам, поручили наблюдать за порядком, заботиться о ребятишках, убираться на станциях, мыть полы... А по ночам мы дежурили на крышах, мой пост был дом 17/19 по Пушкинской улице. Там, на куполе, стояла фигура девушки, и как-то Эренбург в одной из своих корреспонденций написал, что это стоит Лепешинская, то есть я: так и пошло — девушку на куполе стали называть моим именем... Звонили М. Габовичу — он дежурил на крыше «Известий», — спрашивали: «Ну как, все в порядке? Лепешинская на месте?» Я участвовала в эвакуации детей. Никогда не забуду, как по узким мосткам с пристани на пароход идут дети, крохотные, закутанные, плачут и что-то кричат матерям... Вот в то время я и решила, что с танцами покончено: забросила балетные туфли за шкаф... Но как-то мы провожали наших парней из Большого театра на фронт, с Белорусского вокзала. Было очень много народу. И поразительные находились у людей слова, которые заново не повторишь, заранее не придумаешь. Слова эти шли из самого сердца. Я тоже говорила... Вдруг кто-то окликнул меня из толпы: «Товарищ Лепешинская, а ты б лучше станцевала». Оглянувшись и узнала парня с тормозного завода. Не успела опомниться — откуда-то взялся аккордеон. Люди расступились. Я оказалась на импровизированной сцене — в тяжелых бутах, фуфайке, шароварах... И вот я уже танцую «Лезгинку», потом «Русскую», «Цыганочку»... Признаться, так много и с таким настроением я, наверное, никогда не танцевала, ни раньше, ни потом. И как никогда раньше, в тот день на Белорусском вокзале поняла я всю силу, важность и нужность нашего искусства. Поняла и то, что необходимо отдать ему всю себя, всю свою жизнь...

В октябре 1941 года Большой театр эвакуировался в Куйбышев. Началась обычная работа. Репетиции, спектакли, концерты... Помню первый выезд бригады артистов на фронт. В бригаду вошли Барсова, Кругликова, Журавлев, Михайлов, Мессерер и я. Мы выступали в полуразрушенной церквушке, и стены ее, кажется, расpirал могучий бас Михайлова, и под самый купол взлетало нежнейшее сопрано Барсовой... Да, в кузовах грузовиков, на полянах, в лесочках, совсем близко от фронтовой полосы мы пели, танцевали, читали стихи... Выступали так, мне кажется, как нам не удавалось ни на одной театральной сцене: по силе отдачи, по вдохновению превосходили самих себя.

Перед нами были советские воины, солдаты — люди, от мужества которых зависела жизнь всех нас. Зависело наше счастье, наше будущее.

Бывают такие минуты, — помолчав, говорит Ольга Васильевна, — когда ощущаешь себя неотъемлемой частицей своей Родины; чувство патриотизма захватывает тебя целиком. Такие моменты были в моей жизни. И я благодарю за них судьбу.

...Зазвонил телефон, прервал наш разговор. Восстановилось настоящее, сегодняшнее время. Но очень скоро вернулась та атмосфера, которая определила уже с самого начала тему нашей беседы, ее лейтмотив. Возникло живое продолжение прошлого.

— Говорят, актер в основном помнит то, что относится к его профессиональной биографии: только свои удачи, триумфы, да и срывы тоже, — сказала Ольга Васильевна. — Ну, а я вот как-то больше другое помню... На сцене я была довольна собой всего три с половиной раза. Могу перечислить. Китри в «Дон-Кихоте». Другой раз в «Красном маке», помню, станцевала то, что хотелось. И как-то еще в Горьком, в спектакле «Светлана». Вот и все. Хотя я очень любила танцевать. А музыка всегда играла в моей жизни огромную роль.

Ольга Васильевна задумалась.

— Да, танцевать я очень любила... Но однажды — это было седьмого ноября 1951 года — сломала ногу на сцене Большого театра. Шел спектакль «Красный мак». Выполняя совсем нетрудное движение, вдруг почувствовала страшную боль в ноге. Потом оказалось, что у меня лопнула плюсневая кость в ступне, но уйти со сцены я же не могла: мне надо было получить красный цветок от капитана советского судна, прибывшего в Китай, в этом был весь смысл спектакля, суть роли... За кулисами я потеряла сознание, и меня увезли в больницу... Поскольку я не прервала танец, а оставалась на сцене и продолжала двигаться, от первичного перелома лучами разошлись новые трещины... Я лежала в палате и думала: «Ну вот, до этого я была балериной. Кем же я теперь могу стать?»

Ольга Васильевна прошла по комнате.

— Для актера уход со сцены иногда равносителен духовной смерти. Я очень любила свою профессию. Но я никогда не замыкалась только в ней одной: я любила книги, живопись, природу — жизнь! Поэтому уход из театра для меня не стал трагедией, нет, просто пришел момент, когда надо было решать: что делать дальше... В 1963 году мне довелось побывать в Италии, и там дирекция Академии танца попросила меня проконсультировать несколько уроков. Должна сказать, что я никогда не была храброй и предложение попробовать себя в роли преподавателя приняла с недоверием и робостью, но первый опыт вроде бы удался. Потом, в 1964 году, профессор Фезельштейн, руководитель берлинской «Комише опера», попросил меня помочь организовать в его театре балетную труппу, — ее у них раньше не было, сейчас она существует и радует меня своими успехами... Позднее последовали приглашения из Австрии, Венгрии, Швеции, Югославии...

Работа меня увлекла. Она живая, интересная, хотя и нервная. Ведь тут вкладываешь в танец не только свой собственный опыт, разум и сердце, а переживаешь за своих подопечных — вдвое!.. Я работаю в танцевальных классах, обучаю основам классического балета. Но занята я не только этим. За рубежом я представляю свою страну, и это очень ответственно, и этим я горда. А теперь, когда мы все обсуждаем проект новой Конституции СССР, я думаю: как же правильно, как точно там все написано. Да и не могла быть другой наша новая Конституция: она впитала в себя все то, что мы пережили за эти годы, — все наши мысли, заботы, надежды... Это наша история и наше будущее. Каждый советский человек может в ней увидеть свою судьбу и судьбу своего поколения...

Ольга Васильевна отошла в глубь комнаты. Из окон квартиры был виден Белорусский вокзал, откуда уезжали на фронт ее сверстники и где она, в бутах и шароварах, танцевала «Русскую», «Лезгинку»...

Стройная, прямая, с гордо вскинутой головой. В ней сразу угадывается балерина, артистка. И человек с замечательной биографией, комсомолка тридцатых годов.

Шойтен, хотя и получил классическое образование, явно не извлек для себя урока из предостережения Лаокоона: «Бойсь данайцев, даже приносящих дары»¹. И судьба его за это

покарала: святой Деметрий стал для него поистине «даром данайцев». Услышав от одного знатока, что этот написанный на дереве портрет молодого монаха, даже поврежденный, должен стоить 40—50 тысяч марок, Шойтен целиком предался одной-единственной мысли: поскорей обратит своего святого в звонкую монету. Операция для прокурора, прямо сказать, нелегкая. Просто предложить икону какому-нибудь солидному антиквару было невозможно, так как все такого рода фирмы сразу получили описание похищенных ценностей. Нелегальный же путь сбыта заведомо краденной вещи Шойтен должен был в данном случае искать тайком от своих сообщников: не годилось предлагать им выкупить их собственный подарок.

Посредницу, имевшую платежеспособных покупателей и заслуживавшую, как он полагал, доверия, Шойтен нашел наконец в одном из ночных баров. Эту особу, по имени Маргит Линзен, впоследствии супругу сталепромышленника-миллионера Рётцеля, ее собственное более чем сомнительное ремесло обязывало помалкивать насчет всяких темных делишек, а кроме того, у нее имелись личные причины быть благодарной Шойтену. Он спас ее от уголовной ответственности и позволил сохранить водительские права, когда она в состоянии опьянения совершила наезд и скрылась, не оказав помощи пострадавшему. Как и в других случаях, когда он хотел сделать «любезность» какому-нибудь правонарушителю, Шойтен попросту уничтожил имевшиеся в прокуратуре материалы.

Прошедшая, как видно, весьма успешно торговая операция со святым Деметрием «обмылась» затем так основательно, что Шойтен, щедро пошвыряв в баре несколько купюр достоинством в 1000 марок, только около полудня вернулся домой к жене и двум своим дочерям. Прodelывал он этот путь так, точно ехал не в новеньком спортивном «феррари» по улицам Дуйсбурга, а мчался на лыжах с горы, стремясь поставить рекорд по слалому. Водитель переполненного трамвая, в который едва не врезался Шойтен, сообщил номер его автомашины в полицию.

Тут не в меру снисходительное начальство ветреного прокурора впервые потеряло терпение. После негласного внутриведомственного расследования Шойтена оштрафовали на 500 марок и в апреле 1969 года перевели в порядке понижения по службе в Крефельд. Короче говоря, его без шума и без ущерба для собственной репутации спровадили.

Позднее газеты так писали об этом: «Прошло целых пять лет, пока судебные органы Дуйсбурга обратили внимание на эскапады своего прокурора и в начале 1969 года занялись им в дисциплинарном порядке. Результаты, как поглядеть, вышли убогие. Оказалось, что частенько он с перепоя не являлся на службу, что он умышленно затягивал ведение

уголовных дел и в ночных барах давал юридические советы преступникам. И за все это его побрали. Невозможно отделаться от впечатления, что дуйсбургские судебные власти задали провинившемуся головоломку, не замочив при этом его волос».

Избранная начальством «мера наказания» — перевод в Крефельд — тоже обернулась для Шойтена скорее поощрением. Он не только не был понижен по службе, но его, напротив, повысили. Дело в том, что как раз в то время в Крефельде занимали солидное положение и обладали влиятельными связями с городским руководством из ХДС видные члены «кунстафии»: владелец ночного бара Хорст Елонек, владелец публичного дома Ханс-Иоахим Функ, крупное казино Герхард Скробек и прежде всего владелец кемпинга Йозеф Кох, который, по дешевке приобретя имущество обанкротившегося цирка, создал доходное предприятие, нажил на прокате палаток миллионы и затем принялся умножать их, финансируя коммерческие операции «кунстафии».

угрозой разоблачения махинаций со святым Деметрием отозвал свой протест на мягкость судебного решения, в результате чего Рётцель неожиданно быстро вышел на свободу, эта странная непоследовательность «безупречного борца за справедливость» никого не насторожила.

Очень быстро сошелся Шойтен и с подчиненными. Он вообще превосходно умел создавать вокруг себя атмосферу доброжелательности и благодушия; главное же — он был щедр на угощение и всегда охотно ссужал деньгами прокутившихся сослуживцев. Его девиз «Порядок — в своем доме, веселье — в публичном» быстро стал любимой поговоркой сотрудников крефельдской крипо, которые до появления Шойтена были в самых натянутых и неприязненных отношениях с прокуратурой.

Постоянная готовность Шойтена к материальным затратам и его дружеский тон с лихвой вознаграждались ценной информацией, которую он из этих застольных бесед извлекал. Пиво и шнапс даже и у сотрудников кри-

Преступные Бесчинства Прокурора

Шойтен, с позором изгнанный из дуйсбургской прокуратуры, в Крефельде сразу получил должность первого прокурора, возглавил столь желанный для него отдел «особо тяжких преступлений» и вдобавок был назначен судебным комментатором — официальным представителем правовых органов в прессе. Благодаря этому ведущему положению он сумел взять в свои руки взбудоражившее весь Крефельд дело по обвинению Рётцеля в убийстве, широко разрекламировал себя, используя для этой цели свои «комментарии» в печати, и добился широкой популярности, сыграв на сенсационном процессе против могущественного сталепромышленника-миллионера роль бесстрашного рыцаря правосудия и смело потребовав на восемь лет лишить подсудимого свободы, хотя каждому было ясно, что суд, охраняющий классовые интересы собственников, не позволит и волосу упасть с головы этого человека.

Обвинительная речь Шойтена, явившаяся в конечном счете пустым сотрясением воздуха, произвела на крефельдских обывателей неотразимое впечатление. В их глазах новый прокурор показал себя мужественным, бескомпромиссным поборником закона и справедливости, и эта репутация сразу так прочно укрепилась за ним, что подвергать ее сомнению никто в Крефельде уже не осмелился бы. Даже когда обвинявшаяся с Рётцелем Маргит Линзен стала шантажировать Шойтена и он под

по развязывают языки. Задолго до поступления официальных сообщений в прокуратуру Шойтен из первых уст узнавал о полученных оперативных данных, о возникших подозрениях, о самых начальных розыскных действиях, предпринятых уголовной полицией.

В 1970—1971 годах хищения произведений искусства и антикварных ценностей приобрели такой размах, что как федеральное управление уголовной полиции, так и полицейские власти на местах, прежде всего в Кельне и Дюссельдорфе, вынуждены были создавать и усиливать специальные следственные комиссии.

В начале марта 1971 года «кунстафия», к которой принадлежал Шойтен, замыслила самое крупное и дерзкое из всех своих ограблений. Барыш должен был составить 22 миллиона марок, а похитить требовалось всего две очень небольшие картины. Это были «Мадонна» флорентийского живописца Мазаччо и «Дворянин», портрет работы нидерландского художника Ханса Мемлинга. Эти сокровища искусства, созданные в XV веке, находились во Флоренции, в знаменитом Палаццо Веккьо, где их охраняли самым примитивным, допотопным образом.

В пятницу, 12 марта, около 13.20 Гильельмо Пандольфи, за жалкое вознаграждение работающий хранителем Палаццо Веккьо, начинает один из своих нерегулярных контрольных обходов старинного дворца. В кармане у него

¹ Цитата из «Энеиды» Вергилия.

маленький простейший ключик, какой без труда сделает любой слесарь. А все замки в обширном палаццо одинаковые и последние двадцать лет не менялись. Точно такие ключики, как у хранителя музея, есть и у всех 24 сторожей. Но последние 14 дней Гильельмо Пандольфи один совершает свои контрольные обходы. Его сослуживцы бастуют.

На больших транспарантах, выставленных перед Палаццо Веккьо, написано: «Одним лишь искусством сыт не будешь!» Для посетителей музей закрыт. Но так как можно опасаться, что преступников это формальное обстоятельство не остановит, а, чего доброго, вдохновит, 64-летнему хранителю велено по меньшей мере раз в день обходить палаццо. Пандольфи, с его ревматизмом, это вдвойне тяжело. Но бургомистр наотрез отказал ему в просьбе выделить для охраны музея хоть пару карабинеров, или полицейских, или на худой конец сторожей автомобильных стоянок. У тех было более важное дело: они должны были следить за чистотой и порядком, подкладывать под стеклоочистительные щетки записочки с требованием штрафа, выискивать грешников, поставивших машину в неподобающем месте.

Тяжело дыша, взбирается Пандольфи по стоптанной дворцовой лестнице, отпирает ключиком дверь и сразу обнаруживает беду. На полу валяются осколки стекла, а в двух рамах, где недавно еще были картины, видны лишь светлые пятна.

«О господи! Этого только не доставало!» — стонет старый хранитель. Впрочем, сокрушается он в данный момент не о картинах, подлинная ценность которых только позднее станет ему известна из газет, а о том, что, помимо всех прочих дел, теперь придется еще попотеть над обстоятельной докладной запиской начальству.

На другой день сложная полицейская система Италии приходит в движение. Элио Джерунда, начальник уголовной полиции города, на чем свет стоит ругает всех торговцев картинами в мире. Все они, кричит он, потеряли совесть, ни у одного не осталось никакого представления о морали, каждый способен был инспирировать эту кражу. Однако затем его подозрения становятся вдруг совершенно конкретными и направляются на 30-летнего Антонио Бенетти, толстенького, рыжеволосого, бородастого фотокорреспондента из Рима. За два дня до кражи Бенетти по специальному разрешению дирекции музея фотографировал в присутствии реставратора и некоей репортерши именно эти две картины. Якобы для какой-то гамбургской газеты. Но начальник флорентийской крипо убежден, что все это — от первого до последнего слова — ложь, просто трюк, понадобившийся, чтобы подготовить кражу. Римской полиции тут же дается поручение задержать и срочно переправить Бенетти во Флоренцию.

Уведомлен был о случившемся и министр по охране культурных ценностей Родольфо Сивьеро, после разгрома фашизма занявший этот пост, чтобы вернуть Италии сокровища искусства, которые награбили у нее и растащили по всему миру немецкие нацисты, а затем и солдаты американской армии. Дело это шло туго, но для Сивьеро оно оставалось главной задачей. Услышав о хищении из флорентийского музея, он с готовностью разделил подозрения начальника крипо, хотя и по другим мотивам. Суть в том, что однажды эти самые картины — «Мадонна» и «Дворянин» — были уже увезены в Германию управляющим частным собранием Геринга Вальтером-Андреасом Хофером. После 1945 года Сивьеро с помощью оккупационных властей сумел вернуть их в Италию. Но прежние любители чужого добра вполне способны были вновь на него позариться. Сивьеро отлично знал, что даже со своими претензиями на мировое господство оставшиеся в живых нацисты не расстались.

Итак, министр распорядился форсировать розыски Бенетти, и тот в 24 часа был доставлен во Флоренцию вместе со своей работодателем, корреспонденткой гамбургской еженедельной газеты «Цайт». Оба задержанных категорически отрицали свою причастность к хищению, уверяя, что снимки делались для специального репортажа «Бессмертные произведения искусства».

Министр Сивьеро, отнесясь к этому объяс-

нению скептически, был настроен пустить дальнейшее расследование по дипломатическим каналам. Но начальнику крипо не хотелось отдавать дипломатам вызвавшее столько шума дело, и он попытался решить загадку собственными, криминалистическими средствами. Прежде всего он осмотрел скудный багаж арестованных, в особенности несессер фотокорреспондента, а затем уже вызвал последнего на допрос.

— Синьор, — начал Джерунда, — чем вы бредете?

— Бритвой, — сердито отозвался фотокорреспондент. — Что это еще за спектакль? Какое отношение он имеет к краже картин?

Но начальник крипо продолжал гнуть свою линию:

— Электрической бритвой?

— Нет. Станком.

Джерунда удовлетворенно кивнул.

— А какие вы употребляете лезвия?

— «Жилетт», пропади оно все пропадом! Может быть, вы мне наконец скажете, какое отношение к краже «Мадонны» имеют бритвенные лезвия?

— Охотно, — дружелюбно ответил Джерунда. — Лезвия для похитителя картин — то же, что отмычка для квартирного вора. Лезвиями вырезают полотна из рам.

Бенетти подскочил на стуле, но стоявший за его спиной карабинер вновь усадил его.

— Да ведь это же чепуха! — кипятился фотокорреспондент. — Плохой детективный роман! Существуют миллиарды лезвий «жилетт». Как вы докажете, что именно моим лезвием...

— А я и не собираюсь, — с улыбочкой перебил его начальник уголовной полиции и, достав из ящика письменного стола плоскую стеклянную коробочку, показал Бенетти лежащее в ней лезвие. — Видите, это немецкое лезвие «ротбарт». Мы нашли его в плафоне торшера рядом с тем местом, где висела украденная картина Мемлинга.

— Черт возьми! — взволнованно воскликнул фотокорреспондент. — Что вы хотите этим доказать?

— Что не вы совершили кражу, синьор. Италия уже несколько лет не импортирует лезвий «ротбарт». Только «жилетт». По соображениям валютного порядка. Курс французского франка приемлемее.

Бенетти не поверил своим ушам.

— Опять сплешное идиотство! Это тоже ничего не доказывает. Если бы я действительно подрядился стибрить для кого-то картины, этот «кто-то» мог привезти мне «ротбарт» из Гамбурга.

Джерунда усмехнулся.

— Совершенно с вами согласен. Но я хотел посмотреть, как вы будете вести себя на допросе. Именно ваше поведение и убедило меня, что вы не вор.

Измученный фотокорреспондент устало поглядел на него. Джерунда разочарованно произнес:

— Кажется, в ваших глазах тактические приемы итальянской полиции немногого стоят? Бенетти оставил его вопрос без ответа.

Всего меньше, однако, стоило умение итальянской полиции в глазах министра по охране культурных ценностей. Обоих корреспондентов еще десять дней держали по его указанию под арестом, пока из посольства ФРГ не пришло письменное подтверждение, что фотографии картин действительно были заказаны гамбургской газетой для специального репортажа. А сами картины тем временем успели благополучно проследовать под обшивкой «мерседеса» в Мюнхен и найти надежное убежище в сейфе солидного баварского банка.

За возвращение «Мадонны» и «Дворянина» итальянское правительство объявило награду в 10 миллиардов лир, подчеркнув этим, что придает делу государственное значение. О случившемся писали крупные газеты всех стран мира. В списках «Интерпола» обе картины были отнесены к числу двенадцати шедевров, розыску которых уделяется особое внимание, а тогдашний министр внутренних дел ФРГ Геншер лично посетил федеральное управление уголовной полиции и потребовал принять все меры к изобличению преступников, дабы не подорвать политический престиж Западной Германии перед другими странами блока НАТО. Итальянская пресса излагала все

подробности ограбления во Флоренции, и министр Родольфо Сивьеро не скрывал больше, что подозревает в краже «Мадонны» и «Дворянина» того, кто однажды стащил уже эти картины, то есть бывшего управляющего геринговской коллекцией, нынешнего мюнхенского антикара Вальтера-Андреаса Хофера.

На удивление быстро сделала первые успешные шаги западногерманская крипо, которая неожиданно обрела трех добровольных помощников. Привлеченные назначенной наградой, они сами явились в полицию, потребовали сохранения тайны и затем указали возможного нового владельца «Мадонны» и «Дворянина». По их мнению, это был крефельдский миллионер Йозеф Кох. За четыре месяца до ограбления Палаццо Веккьо Кох подрядил их похитить для него картины из Флоренции. Переговоры велись в «Пинте», в присутствии самого хозяина этого малопочтенного заведения Хорста Елонека. Во Флоренцию они, заявители, съездили, но картины украсть побоялись. Они стащили только какой-то gobelen из запасника, однако и его анонимно отослали назад, когда полиция подняла весь этот шум вокруг кражи картин из музея.

В связи с этой информацией крефельдской уголовной полиции поручили установить за Кохом и Елонеком самое тщательное наблюдение, используя для него все средства. Специально подчеркивалось, что полиции в данном случае разрешено взять под контроль корреспонденцию и телефонные разговоры Коха и Елонека. Одного только федеральное управление уголовной полиции не смогло в то время учесть: тесного дружеского контакта между сотрудниками крефельдской крипо и прокурором Шойтенем, штатным консультантом обоих подозреваемых.

А Шойтен узнал о строго секретном задании в тот же вечер за традиционной рюмкой. И, озабоченный щекотливым поручением, комиссар уголовной полиции Крайнхорст еще осведомился, не считает ли прокурор, что подключение к телефонам и перлюстрация писем нарушают конституцию, а значит, чреваты неприятностями.

— Ведь этот миллионер Кох сумеет, конечно, заполучить самых дорогих адвокатов. Не привлечет ли он нас к суду?

Шойтен, правда, успокоил наивного комиссара: принятые в мае 1968 года чрезвычайные законы допускают производить с разрешения министерства внутренних дел подобную негласную проверку. Однако, учитывая, что население относится к такого рода мерам крайне отрицательно, лучше, во избежание неприятных последствий, согласовывать все действия с прокуратурой, то есть с ним, Шойтенем.

После этого разузнать что-либо о Кохе и Елонеке крефельдская крипо, естественно, уже не смогла. Ни вскрытые над паром письма, ни подслушанные телефонные разговоры, ни произведенный в заключение обыск ничего не дали. Даже способная навести на верный след откупка, которой Вальтер-Андреас Хофер поздравил Коха с днем рождения, была по совету Шойтена оставлена без внимания. Так дело снова зашло в тупик.

А затем новый разбойничий набег «кунстафии» отвлек полицию от флорентийской эпопеи. В ночь с 9 на 10 мая 1971 года из западноберлинской православной церкви Воскресения были похищены 33 иконы общей стоимостью 1,8 миллиона марок. Правда, на обратном пути грабителям не повезло. У Гогенцоллернштадта, всего в двухстах метрах от собора, краденую санитарную машину с иконами остановила полиция, чтобы отправить в больницу двух пострадавших в автомобильной катастрофе. Водитель, не догадываясь о причине задержки, развил максимальную скорость и сумел скрыться с похищенным.

Однако полицию это насторожило, и в ту же ночь об ограблении церкви стало известно. Грабители оказались в западе. Оба аэродрома и ведущая через ГДР транзитная трасса были перекрыты. От плана сбыть иконы через кельнского скупщика краденного пришлось отказаться. Испуганные клиенты попрятались в кусты. Вся операция рушилась.

Рассовав на время иконы по автоматическим камерам хранения, банда срочно принялась искать новых покупателей, что потребовало в

эти дни множества телефонных разговоров. Между тем телефоны лиц, подозреваемых в связях с «кунстмафией», еще раньше были взяты уголовной полицией под контроль. В частности, прослушивался телефон на квартире одного спекулянта иконами во Франкфурте-на-Майне. Сам хозяин квартиры, известный «кунстмафии» как «Мирко», в период, относящийся к ограблению западноберлинского собора, находился по делам в США, и федеральное управление уголовной полиции решило использовать эту счастливую случайность, чтобы подsunуть под видом покупателя своего человека. Все звонки, адресованные Мирко, отводились на другой аппарат, где на них отвечала сотрудница уголовной полиции, именующая себя женой отсутствующего коммерсанта.

Когда поступило, как и ожидали, предложение купить оптом иконы за 1,8 миллиона марок, мнимая жена Мирко проявила интерес к сделке и условилась, что 13 мая в Западный Берлин придет с деньгами брат ее мужа и под именем Мирко Паначева зарегистрируется в отеле «Палас», где в тот же день можно будет с ним встретиться.

13 мая в Западный Берлин приехал агент уголовной полиции, человек с лицом южного типа, потребовал в отеле «Палас» номер с ванной, написал на регистрационной карточке: «Мирко Паначев». Портье внимательно поглядел на него.

— Что ж вы сразу не сказали! Вас уже ждут на Кудамм, в кафе Германа.

Покидая отель, агент заметил, что следом за ним вышел какой-то человек. В кафе он снова увидел этого человека уже сидевшим вместе с тремя важного вида господами. Агенту тоже знаком предложили подсесть к ним, и он, как было условлено, представился Мирко Паначевым. Все четверо дружелюбно кивнули в ответ, но имен своих не назвали. Это были уже известные читателям крефельдские дельцы: Хорст Елонек, Ханс-Иоахим Функ и Герхард Скробек; вместе с ними сидел Клаус-Гюнтер Крюгер, берлинский кельнер и организатор хищения икон из церкви.

Несмотря на желание обеих сторон поскорее покончить с делом, достигнуть взаимопонимания никак не удавалось. Требование «Мирко» показать ему иконы было встречено

снисходительными усмешками. Сперва 1,8 миллиона на стол! «Мирко» бросило в пот. Этого варианта федеральное управление уголовной полиции не предусмотрело да и все равно не смогло бы выполнить. «Мирко» сделал попытку отвертеться: он ведь, в сущности, не знает, с кем имеет дело. Где у него гарантия, что перед ним не мошенники, которые просто хотят его обобрать? Да и никто таких денег в кармане не носит. Будут картины — будут и деньги. Только баш на баш! Когда он, чтобы выиграть время, предложил вместо оптовой сделки произвести расчеты в 33 приема, у господ из Крефельда вообще пропал к делу интерес.

Елонек посмотрел на часы, сказал, что должен срочно позвонить по телефону, и скрылся в телефонной будке. Там он набрал номер крефельдского ландгерихта и потребовал соединить его с первым прокурором доктором Шойтеном.

Федеральное управление уголовной полиции явно недооценило представителей «кунстмафии», считая их примитивно-алчными гангстерами. Прежде чем ехать в Берлин, они, разумеется, обсудили все с Шойтеном и дали ему задание выяснить, не может ли ожидаемый Мирко Паначев быть полицейским агентом.

С тех пор как Шойтену стало известно, что телефонные разговоры членов банды прослушиваются, он придумал для этих разговоров определенный код. И сейчас Елонек изобразил, будто звонит без особой причины, просто так:

— Как поживаешь, Эрнст? Почему не заходишь? Случилось что-нибудь?

Шойтен на это:

— Ах, я совсем закрутился, я веду сейчас одно очень крупное дело.

Елонек:

— У меня к тебе только один вопрос, Эрнст. Мне тут предложили кое-что купить. Приезжий имеет для продажи иконы. Говорят, на этом можно заработать, а ты как считаешь?

Шойтен:

— Иконы? Я бы тебе не советовал, Хорст. Сейчас в обращении слишком много поддельных и украденных картин. На иконах можно больше потерять, чем заработать.

В переводе на обычный язык это означало: руки прочь — опасности!

Вернувшись к столу, Елонек сказал, обращаясь к «Мирко»:

— Извините, я вынужден вас покинуть. Но вы можете спокойно продолжать обсуждение с этими господами. Я все равно не имею отношения к делу. Я поехал просто за компанией, Берлин поглядеть. — И он исчез.

Остальные теперь тоже, конечно, смекнули, что дело дрянь. Никто не захотел вдруг и слышать больше об иконах, каждый старался поскорей отделаться от «Мирко», переадресовывая его другим, так как сам понятия ни о чем не имеет и приехал с единственной целью поглядеть город. Кончилось тем, что агент полиции остался один на один с западноберлинским кельнером, который спросил его:

— Какую, собственно, сделку вы хотели заключить с этими крефельдскими господами? Иконы? Что это вообще значит?

Срыв этой попытки проникнуть в ряды «кунстмафии» стал позднее главным пунктом обвинения против Шойтена. «Штуттгартер цайтунг» 26 июня 1973 года писала: «Самым тяжким деянием доктора Шойтена суд счел срыв расследования кражи икон на сумму более миллиона марок из русской православной церкви в Западном Берлине. Федеральному управлению уголовной полиции удалось тогда заслать в эту берлинскую шайку агента, который должен был выявить и других связанных с нею лиц, чтобы можно было затем раскрыть всю банду. Шойтен, которого сотрудники крипо конфиденциально информировали о предпринятых мерах, поспешно передал эту информацию хозяину крефельдского ночного бара Елонеку. И вот результат: махинаторы, отказавшись от сделки, ретировались, засланный в Западный Берлин агент остался ни с чем, а вся операция сорвалась».

Перевела с немецкого
Татьяна ГИНЗБУРГ.

Окончание следует.

ПАМЯТИ ЮРИЯ ИВАНОВИЧА ПИМЕНОВА

«...Время никогда не терпит в художнике лукавства и фальши, оно требует настоящей глубокой любви. Чувство современности — это талант и восхищение...» Эти замечательные слова сказал народный художник СССР, лауреат Ленинской премии, действительный член Академии художеств СССР Юрий Иванович Пименов.

В своих полотнах Пименов создал мир живой, как сама жизнь. В его картинах сверкает, искрится единственная, неповторимая наша эпоха со всеми ее радостями и трудностями, с той энергией роста, которая поражает весь мир неумемостью и размахом. В его картинах мы видим образы современников, жизнелюбивых и добрых, и, наконец, во всей красе зрим Москву с ее древними гордыми храмами и новыми кварталами.

...Трудно поверить, что с нами нет Юрия Пименова, художника искреннего, доброжелательного, правдивого.

Зал Академии художеств. Последнее прощание с большим мастером. Цветы, венки, сотни людей. На стенах произведения Пименова... Горькое, щемящее ощущение зыбкости нашего краткого земного бытия отступает перед вечным светом творчества. Звуки

траурных мелодий не могли заглушить неумирающую музыку жизни ликующей и полной трепета ожидания любви и счастья, звучащую в холстах живописца. Всего несколько картин из тысяч, созданных Пименовым... Но и в них перед нами вставал первозданный, сложный и чарующий мир нашего времени.

В сотнях музеев и галерей нашей страны есть полотна, при одном взгляде на которые сразу скажешь: это Суриков или Врубель, Левитан или Кустодиев, Дейнека или Пластов. Таковы и полотна Пименова. Он создал свою «пименовскую» Москву.

Пименов — москвич... Он родился в старом Замоскворечье в начале века. Вся душа его, искренняя, поэтическая, была отдана Москве. Муза художника наиболее ярко предстала перед нами в конце тридцатых годов в шедевре «Новая Москва», и с той поры лейтмотивом творчества мастера стала жизнь столицы нашей Отчизны.

В чем тайна всепокоряющего очарования полотен мастера? Первичность. Свежесть. Юность видения мира. Художник открывает нам необычайно новую для нашего искусства поэзию прозы. Необыкновенность обыденного. У истинного художника нет возрас-

та. И Пименов великолепно подтверждает это своим творчеством. Он, невзирая на свои годы, в последние десятилетия был сверстником этих новых кварталов Москвы и ее молодежи, дерзкой, открытой и доброй. И что особо пленяет нас в картинах-символах Пименова — это изумительно точный отбор деталей. Острота силуэтов — примет эпохи. Мастер не только глубоко видел, но он умел так строить свои композиционные решения, что они казались нам естественными, как сама природа. Правда — ключ всех творений Пименова. Ему была чужда лакировка и ложь. Язык его картин прост и доступен. Народен.

Юрий Иванович любил театр. Он познал неотразимую магию сцены. Им владело неоодолимое желание создавать эту непохожую и такую волнующую своей страстностью столкновений, напряженностью действия театральную жизнь. Он рисовал ярчайшие театральные афиши — элегантные и острые, писал великолепные занавесы, в которых звучали пименовская ирония и жизнелюбие. Пименов не только создавал декорации и костюмы, он сотворил десятки композиций, и в них как бы жил сам дух театра, колдовской и манящий.

радио ЧИТАЯ ШОЛОХОВА

Дважды звучат заключительные строки радиоспектакля — сначала в исполнении актера, затем не менее проникновенно их читает писатель... И рождается ощущение, что повтор этот не просто композиционный прием, но и желание авторов не расставаться с героями, продлить радость общения с ними...

Михаил Ульянов сыграл у микрофона Всесоюзного радио «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Премьера шла в эфире два с половиной года. И не было дня, когда в адрес литературно-драматической редакции не приходили бы письма от слушателей, полные понимания и благодарности.

Чего бы ни касалась рука художника, всюду нас немедля брало в плен особое пименовское качество — мастерство, доведенное до предельной остроты звучания. Строжайший отбор. Необычайная требовательность к себе и работа, работа, работа.

...Всего несколько дней тому назад я был в мастерской Пименова. На мольберте, как всегда, стоял новый холст художника. Район строящейся Москвы. Свежие серебристые краски, неповторимый пименовский колорит. У стен студии стояли полотна, этюды, наброски, рисунки. Не верилось, что все это написано совсем недавно, буквально в этом году. Ведь художнику было семьдесят четыре года.

На меня глядели удивительно лучистые глаза мастера, полные внутреннего света и доброты. Я слышу слова Юрия Ивановича, а питанные искрящимся юмором, а иногда мягкой иронией много повидавшего и пережившего человека. Слышу его голос — негромкий, но поражающий душевной силой.

В тот навсегда незабываемый для меня день Юрий Иванович вспоминал еще раз о своей любимой поре ВХУТЕМАСа, своих дру-

читая Шолохова, артист воплотил более трехсот образов... Это осуществлено в условиях радиостудии, где из всех «инструментов» актерского мастерства использованы могут быть лишь голос и дыхание, — микрофон с необычайной чуткостью улавливает все оттенки, все краски интонации.

— Ощущение актера на радио похоже на письмо к родным, которое пишешь в надежде, что тебя поймут, — так определил свое самочувствие Ульянов.

М. Ульянов влюблен в шолоховских героев. Влюблен давно. Страсти, терзающие людей, боль трагического непонимания, мятущаяся стихия жизни, неожиданное переплетение судеб, атмосфера борьбы и ломки характеров всегда привлекают Ульянова в искусстве. А где же, как не у Шолохова, искать все это!..

Сострадая и протестуя, с любовью или презрением, с ненавистью или восторгом ведет рассказ Михаил Ульянов, даря нам огромную радость погружения в атмосферу великих и грозных событий. Абсолютно достоверен артист и в описании будней войны, и в рассказе о бегстве белой армии, и в размышлениях Мелехова после возвращения в Вешенскую...

Судьба и преображение Григория Мелехова, его гордость, отчаяние, страх, надежда — все это передано Ульяновым с пронзительной искренностью.

Народная эпопея — жанр едва ли не самый трудный и редкий в нашем театре и кино. Свои права он снова и снова заявил на радио. Режиссер постановки Б. Дубинин нашел в лице Михаила Ульянова исполнителя блистательного.

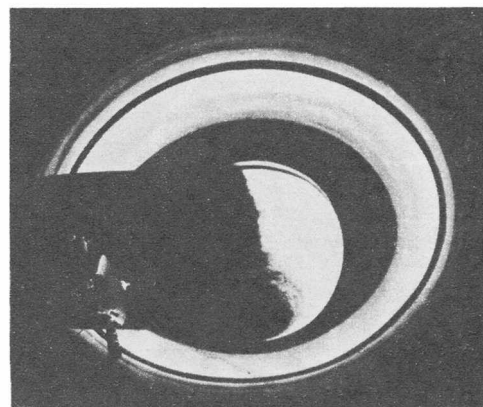
А. ШЕРЕЛЬ

зей — Дейнеку, Вильямса, Гончарова, которых любил, хотя порою и спорил с ними. Разбирали старые фото, репродукции. Внезапно он встал и взял с полки маленькую свою книжку «Необыкновенность обыкновенного» и прочел: «Художнику можно простить ошибки и неудачи, но нельзя и не нужно прощать внутренний холод, безразличие к душе своего дела, бесцельность его искусства. Искусством должны заниматься люди со страстной и чистой душой — всякие коммерческие, карьеристические задачи никогда не были и не будут действительными заботами искусства».

И вот Пименов ушел от нас. Но он оставил в своих картинах современникам и будущему огромный, неохватный мир любви к жизни. Пройдут века, но вечно будут шагать в грядущее обаятельные герои полотен художника, отразившего в своих творениях наше сегодня. Пименов объехал полмира, но его сердце, его душа были всегда в Москве. Он был мечтателем и поэтом, отдавшим людям огонь сердца, полного любви к Родине, и поэтому он будет жить всегда...

Игорь Долгополов,
заслуженный деятель искусств
РСФСР

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА ТИТАНЕ?

Так будет выглядеть «Вояджер» на подлете к Сатурну (рисунок).

Земля уже не раз провожала автоматические станции в далекие полеты к планетам. Это были советские «Венеры» и «Марсы», американские «Пионеры», «Маринеры» и «Викинг». 20 августа и 5 сентября нынешнего года отправятся в путь американские станции «Вояджеры». Кстати, слово «вояджер» как раз и значит «путешественник».

Станции держат путь к планете Юпитер, с которой «Вояджер-1» должен сблизиться в марте, а «Вояджер-2» в июле 1979 года. Характерно, что с Земли «Вояджер-2» стартовал первым, а «Вояджер-1» вторым, но «Вояджер-1» выведен на более «быструю» траекторию и на трассе «Земля — Юпитер» обгонит вторую станцию, с тем чтобы прочно занять место лидера в этом путешествии, которое обещает дать ученым немало новой и весьма ценной информации.

Согласно программе полета, «Вояджер-1» пройдет на расстоянии 280 000 километров от Юпитера, а «Вояджер-2» — на расстоянии 648 000 километров. Установленные на станциях телевизионные камеры и многочисленные научные приборы передадут на Землю информацию не только об этой самой большой планете Солнечной системы, которую многие ученые считают «несостоявшейся звездой», но и о ее спутниках Амальтея, Ио, Европе, Ганимеде и Каллисто.

Под влиянием весьма сильного поля тяготения огромного Юпитера траектория станций «искривится», и они повернут к Сатурну, близ которого пройдут, соответственно, в ноябре 1980 года и в августе 1981 года. Если у Юпитера разрыв между станциями составит четыре месяца, то у Сатурна он возрастет до 9 месяцев. Это очень важно. За девять месяцев ученые смогут оценить результаты исследований первой станции и в зависимости от этого скорректировать траекторию второй.

Главными объектами исследований у Сатурна являются, помимо самой планеты, окружающие ее знаменитые кольца, а также спутник Сатурна Титан. Наблюдения с Земли показали, что Титан имеет атмосферу примерно такой же плотности, как земная, а состав ее, видимо, допускает образование органических молекул под воздействием ультрафиолетового излучения Солнца. Так, может быть, ближайшую к Земле жизнь следует искать не на Марсе, откуда «Викинг» прислал весьма противоречивые данные на этот счет, а на Титане!

Разумеется, «Вояджер-1», который должен пройти на расстоянии 4000 километров от Титана, не сможет определить, есть там жизнь или нет, но полученная от станции информация об условиях на этом спутнике Сатурна позволит оценить вероятность существования жизни. При достаточно высокой вероятности в дальнейшем целесообразно будет отправить на Титан посадочную станцию с биологическими приборами.

Если «Вояджер-1» успешно исследует Титан, то «Вояджер-2» для изучения этого небесного тела использовать не будет. Траекторию его скорректируют таким образом, чтобы, пройдя на расстоянии 100 000 километров от Сатурна, станция под влиянием поля тяготения планеты «повернула» к Урану, а затем, возможно, и к Нептуну. В этом случае «Вояджер-2» совершит пролет около Урана предположительно в январе 1986 года, а около Нептуна — в сентябре

1989-го. Американские ученые, однако, подчеркивают, что вероятность нормального функционирования станции у Урана в 1986 году, через 9 лет после запуска, довольно мала, а у Нептуна в 1989 году, через 12 лет после запуска, вообще ничтожна, не говоря уже о весьма большом удалении этих планет от Земли, что чрезвычайно затруднит связь со станцией при пролете.

Однако легко понять ученых, которые стремятся использовать уникальную возможность последовательного пролета одной станцией около четырех планет Солнечной системы с использованием «даровой» силы притяжения предыдущей планеты для разворота станции к следующей почти без затрат бортового запаса топлива. Такая возможность возникла в последней четверти XX века благодаря чрезвычайно редкому взаимному расположению Земли, Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна на своих орбитах. Следующий раз такое положение возникнет только в третьей четверти XXII века, то есть почти через 200 лет. Полет с использованием силы притяжения «промежуточных» планет выгоден еще и потому, что «ночной» планеты станция достигает значительно быстрее, а чем меньше она находится «в дороге», тем ниже вероятность отказов бортового оборудования. Как уже говорилось, станция «Вояджер-2» может достигнуть Урана через 9 лет, а Нептуна через 12 лет после старта с Земли, а если бы она не использовала притяжения других планет, то у Урана станция оказалась бы только через 16 лет, а у Нептуна через 20 лет.

В 1989 году обе станции «Вояджер» пересекут орбиту Плутона и выйдут за пределы Солнечной системы («Вояджер-1» после пролета около Сатурна не встретит на своем пути никаких планет), разумеется, уже в неработающем состоянии. Обращаясь вокруг центра Галактики, станции «Вояджер» будут существовать вечно, если не столкнутся с каким-либо небесным телом, и теоретически не исключена возможность того, что когда-нибудь эти станции попадут к внеземным разумным существам. Якобы в расчете на это, а скорее, просто для привлечения большего внимания к полетам «Вояджеров», на обеих станциях установлена медная графмофонная пластинка с записью «звуков Земли», чтобы дать представление внеземным существам о нашей планете. Записаны музыка Бетховена и Моцарта, народные песни некоторых стран, приветствия на множестве живых и мертвых языков, крик ребенка, голоса некоторых животных, шум падающей воды, а также обращения генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма и президента США Дж. Картера. Имеются изображения человека, большого города, африканской хижинки и т. п.

Итак, обе станции «Вояджер» начали свое длительное путешествие. На первой из них («Вояджер-2») наблюдались некоторые неисправности, но их удалось устранить. Вторая станция начала полет, как говорится, «без замечаний». Теперь надо терпеливо ждать 1979 года, когда обе станции приблизятся к Юпитеру и снова окажутся в центре внимания не только научного мира, но и всех людей, интересующихся достижениями космонавтики, а таких на Земле сотни миллионов.

Д. ГОЛЬДОВСКИЙ

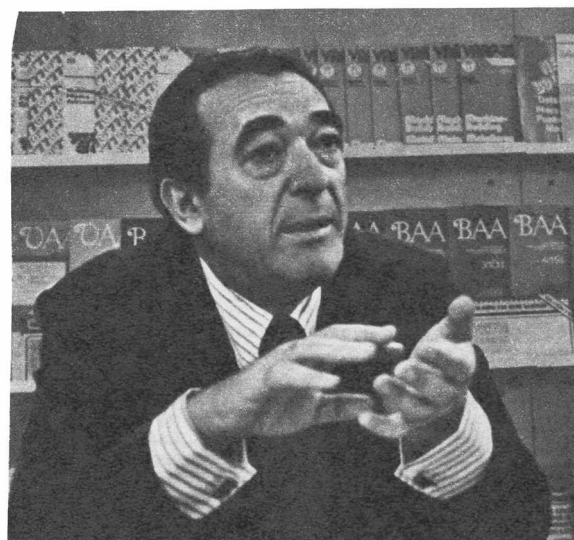
Книга-выставка «Ленин. Октябрь» (издательство «Плакат») — лауреат конкурса 1977 года в Лейпциге.

Слышим шаги Революции...

У стенда издательства «Планета».

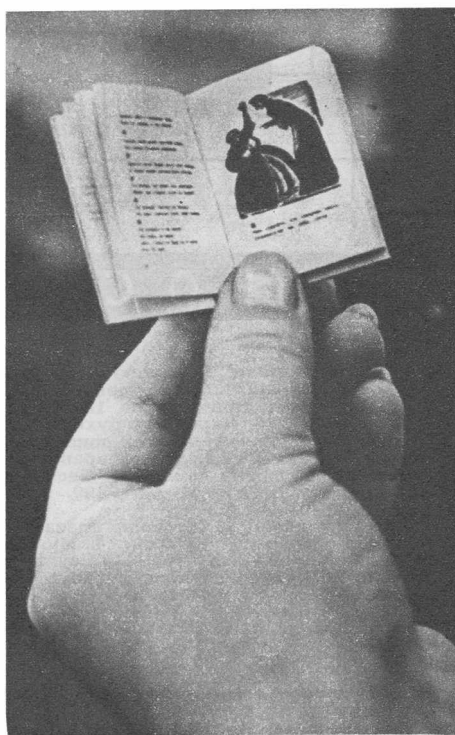
Президент фирмы «Пергамон пресс» Р. Максвелл рассказывает о будущих книгах.

СЧАСТЛИВОГО

**Ю. НОВИКОВ,
К. БАРЫКИН**

**Фото А. БОЧИНИНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Один из самых маленьких экспонатов.

Предлагает «Изобразительное искусство».

В

своем выступлении на открытии Первой Московской международной выставки-ярмарки председатель Госкомиздата СССР Б. И. Стукалин, в частности, высказал надежду, что «зарубежные гости в дни выставки-ярмарки смогут не только успешно осуществить деловую программу, но и ближе познакомиться с нашей действительностью, нашим народом, который готовится достойно встретить 60-ю годовщину Великого Октября».

Приподнятую атмосферу кануна знаменательного юбилея, ощущение праздничности создавала прежде всего советская экспозиция, самая обширная, насчитывающая свыше 15 тысяч изданий. Тема «Ленин. Октябрь. Революция» звучит ярко и зримо в десятках и сотнях видов издательской продукции — книгах, альбомах, плакатах центральных и республиканских издательств.

На стендах Политиздата выставлено десяти томное собрание документов «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», широко представлены труды Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, сборники избранных речей и статей А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, М. А. Суслова. Показаны также книги руководящих деятелей братских коммунистических и рабочих партий. В числе названий юбилейного года — трехтомник «Рассказы о партии», сборник «Революция, изменившая мир. Слово прогрессивных людей мира о Великой Октябрьской социалистической революции» и другие издания. Среди экспонатов — документы Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, состоявшегося в Хельсинки.

Издательство ЦК КПСС «Плакат» представило интересно оформленную и отличную по композиции книгу-выставку «Ленин.

Октябрь». Это оригинальное собрание, включившее в себя наиболее яркие работы в жанре плаката за годы Советской власти, удостоено на Международном конкурсе ИБА-77 в Лейпциге Гран-при. Уникален сборник «Вся власть Советам!», выпущенный издательством «Современник», — факсимильное издание большевистских газет с произведениями рабочих поэтов от февраля до победоносного Октября 1917 года. Ленинская тема, тема Октябрьской революции широко демонстрируется на стендах союзных республик, приближение юбилея Октября напоминает о себе и в экспозициях братских стран социализма. Сочинения и избранные труды классиков марксизма-ленинизма показывают некоторые развивающиеся страны и ряд фирм капиталистических государств.

По размаху своему советская экспозиция на выставке грандиозна, по полиграфическому и художественному уровню исполнения представленных изданий ярка и впечатляюща.

Вопреки мрачным прогнозам и даже прямым призывам противников разрядки бойкотировать книжный смотр в Москве самые видные издатели мира развернули экспозиции свыше 1300 фирм и корпораций. В выставке приняли участие английская фирма «Пергамон пресс» и издательство из США «Плинум паблшинг корпорейшн», служба печати американских университетов и Биржевой союз немецкой книготорговли (ФРГ), издательство «Эльзевир» из Нидерландов и фирма «Наполеоне» из Италии, Ассоциация финских издателей и французское издательство «Галлимар», издательские фирмы Австрии, Австралии, Бельгии, Испании, Португалии, Швейцарии, Японии. Свою литературу привезли в Москву издатели и книготорговцы Индии, Ирака, Алжира, АРЕ, Гвинеи-Бисау, Бангладеш, Эквадора и других развивающихся стран.

...Проходим мимо стендов экспозиций ФРГ, Нидерландов, Великобритании, видим в хорошем исполнении собрание сочинений А. Макаренки, произведения Г. Маркова, Г. Тропольского, Е. Рябчикова... Советские научно-технические книги, издания детских писателей... Этот маленький парад знакомых имен и названий в сочетании с тематическими планами выпуска, где также предусмотрены переводы советских книг, символизирует достаточно ясно поворот ряда западных издательств к практическому осуществлению книгообмена, то есть обмена идеями мира, взаимопонимания и прогресса.

Один из западных бизнесменов (не будем называть его страну,

ПУТИ, КНИГА!

нашего традиционного торгового партнера, в том числе и в книгообмене) на второй день работы Международной книжной выставки-ярмарки в разговоре с нами пожаловался, что мало посетителей у стенда его фирмы, что контракты здесь «вряд ли кого интересуют», а уж что касается уикэнда, то на выставке вообще не будет ни одного предпринимателя и жизнь ее-де замрет. Мы попросили не торопиться с выводами и предложили встретиться в субботу, но, увы, бизнесмен в тот же день улетал домой... Тогда мы решили сделать специальный субботний фоторепортаж — пусть он будет красноречивым ответом пессимистически настроенному издателю.

Многоликая и многоголосая выставка-ярмарка жила в этот день еще более шумной, напряженной жизнью. Большие очереди посетителей — за проспектами и за получением заветного оттиска спецтемпла на конверте или рекламной листовке. Бегут по светогазете последние новости смотра, в зале павильона № 1 стоит рабочий гул многолюдного собрания, в который вплетается ненавязчивая музыка. Проходим в зал, поднимаемся на второй этаж — куда ни взглянешь, всюду либо очереди, чтобы попасть в экспозицию, либо никакой очереди нет, а есть тонкий преграждающий путь шнурок и табличка на нем: «Просим извинить, идут переговоры», — либо на столике, тут же, у стендов с образцами, подписывается договор на право перевода и издания книги...

Вот, например, перечень переговоров, которые практически велись в одни и те же минуты в экспозициях различных издательств утром в субботу. В разделе ГДР руководитель группы М. Тюрмер принимал представителей фирм Республики Бенин (Африка), а в этот момент директор издательства «Планета» Г. Коваленко беседовал с Ф. Розенталем из английской фирмы «Тайм-Лайф» и представителем югославского «Нолита». Буквально в двух шагах от них, в экспозиции издательства «Музыка», его директор К. Фортунатов оживленно разговаривал со своим коллегой, директором югославской «Ноты» Н. Живковичем. Спустя три минуты, потребовавшиеся нам, чтобы перейти в павильон № 2, где разместилось большинство фирм и компаний западных стран, мы присутствовали при подписании контракта. Руководитель группы переводной литературы издательства «Прогресс» Ю. Куколев скрепил подписью договор с издательской фирмой ФРГ «Экон» (Дюссельдорф) на перевод двух изданий с немецкого, посвященных развитию инженерной мысли и изобретательству, а также опыту упаковочной промышленности за последние четверть века.

...Еще через десять минут — мы у стенда голландской фирмы «Юнк». Ее директор С. Баккер показывает нам только что подписанный с ВААП контракт на издание книги эстонского автора Ю. Росса об архитектонике растительного покрова. «Я считаю, что очень важно, — говорит С. Баккер, — знакомить западного читателя с достижениями советской научной мысли».

...Заглянув в павильон Всесоюзного агентства охраны авторских прав, мы застали там начальника англо-американского отдела

ВААП Юрия Николаевича Градова. Он просматривал бланки договоров, приготовленных к подписанию. «Что касается меня, то практически каждые пять минут я здесь или в экспозициях обоих павильонов подписываю какой-либо договор или меморандум», — сказал он нам.

В это время в комнату вошел высокий, очень подвижный мужчина средних лет, зазвучала английская речь... Ю. Н. Градов представил нас президенту крупнейшей издательской компании «Пергамон пресс» (Оксфорд, Англия) мистру Роберту Максвеллу. Вот что сказал Р. Максвелл в беседе:

— Я знаю давно журнал «Огонек». Мы издаем и распространяем издания СССР с 1955 года — еще в тот год президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов пригласил меня посетить вашу страну для переговоров. Они были успешными, и вот с тех пор мы выпустили 500 ваших книг и 200 журналов общим тиражом свыше 2 миллионов экземпляров. Здесь, на ярмарке, мы подписали контракт на издание книги Политиздата «Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк». К концу этого года «Пергамон пресс» выпустит и станет распространять эту книгу во всем мире.

Я считаю, что это будет уникальным изданием.

Мы очень довольны организацией этой ярмарки. Я имел беседу с министром культуры СССР П. Н. Демичевым и от имени всех иностранных издателей поблагодарил за подготовку и организацию этой выставки-ярмарки.

Что касается других наших планов на будущее, то мы намереваемся издать у себя книги ректора МГИМО Н. Лебедева, адмирала флота С. Горшкова и других авторов...

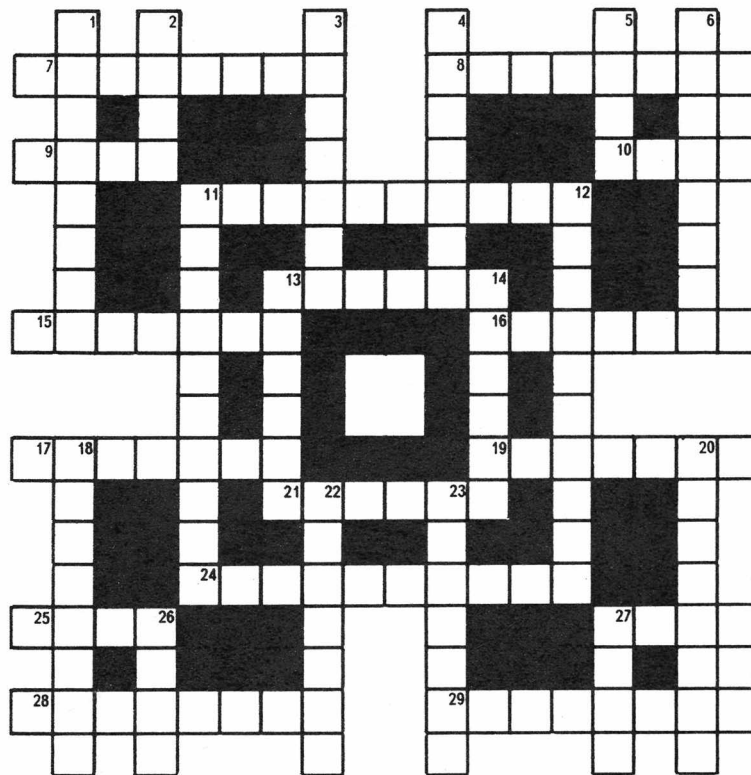
...Благодарим за беседу и прощаемся. Вспоминаем нашего знакомого бизнесмена-скептика и сожалеем, что ему неизвестны отзывы и других участников московского книжного форума.

Представитель группы крупнейших издательств ФРГ Г. Куртце: «Выставка-ярмарка хорошо организована»; итальянский издатель Дж. Табаки: «Здесь, кажется, сделано все, чтобы участники не испытывали никаких затруднений»; главный редактор «Берзен-блатт» Г.-Л. Шютц: «Издатели из ФРГ были настроены скептически относительно контактов с советскими организациями, которые занимаются импортом и экспортом книг и авторских прав. Сегодня их мнение кардинально изменилось»; генеральный директор венгерского издательского предприятия «Култура» П. Корниш: «Мне довелось участвовать во многих книжных ярмарках. И могу сказать, что Московская выставка-ярмарка — крупнейшая среди них. Количество ее участников впечатляет. Выставка-ярмарка в самом разгаре, но и сейчас можно сказать, что результаты будут значительные».

Итоги ММКВЯ-77: свыше тысячи контрактов заключено издателями более чем из 30 стран всех континентов.

Московская книжная выставка-ярмарка станет традиционной. Но отсчет своей истории она начала ныне, в год 60-летия Великого Октября, в год принятия новой Конституции СССР.

До встречи в 1979-м!

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Панорама Ф. А. Рубо. 8. Надстрочный знак. 9. Водное пространство, оборудованное для стоянки судов. 10. Приток Оби. 11. Раздел лингвистики. 13. Ягода. 15. Животное, обитающее в горной тайге. 16. Народный духовой музыкальный инструмент. 17. Положение, принимаемое без доказательств. 19. Экс-чемпион мира по шахматам. 21. Вечнозеленое дерево или кустарник. 24. Способ предпосевной обработки семян. 25. Лестница на судне. 27. Картина И. И. Левитана. 28. Роман Ж. Санд. 29. Кровельный материал.

По вертикали: 1. Оболочка глаза. 2. Кондитерское изделие. 3. Город в Московской области. 4. Мужской голос. 5. Водоплавающая птица. 6. Спортивная игра. 11. Наука, изучающая гидросферу Земли. 12. Вид вооружения войск. 13. Штат Индии. 14. Огнеупорный волокнистый минерал. 18. Металлический стержень, источник звука для настольных музыкальных инструментов. 20. Химический элемент. 22. Стихотворение А. С. Пушкина. 23. Озеро в Мурманской области. 26. Объект, охраняемый часовым. 27. Большая планета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 5. Ермолова. 7. Тральщик. 9. Бельведер. 11. Нура. 13. Агат. 15. Околица. 17. Окоп. 18. Луза. 19. Толстолобик. 22. Орел. 23. Икар. 24. Кремона. 25. Айва. 27. «Саша». 28. Дидактика. 31. Карандаш. 32. Балансир.

По вертикали: 1. Брусника. 2. Овал. 3. Пруд. 4. Гипотеза. 6. Лаба. 8. Лири. 10. Волоколамск. 12. Репетиллов. 14. Адактика. 15. Обелиск. 16. Арабия. 20. Арканзас. 21. Палантин. 26. Адан. 27. Сага. 29. Драп. 30. Иран.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Студентка Турменского государственного художественного училища Гозель Карпаева — экскурсовод ашхабадского музея изобразительных искусств.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ашхабад. На площади Карла Маркса. (См. в номере материалы о Турмениии.)

Фото И. ГАВРИЛОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-87; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 29/VIII 1977 г. А 00395. Подп. к печ. 13/IX 1977 г. Формат 70х108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1995. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1049.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

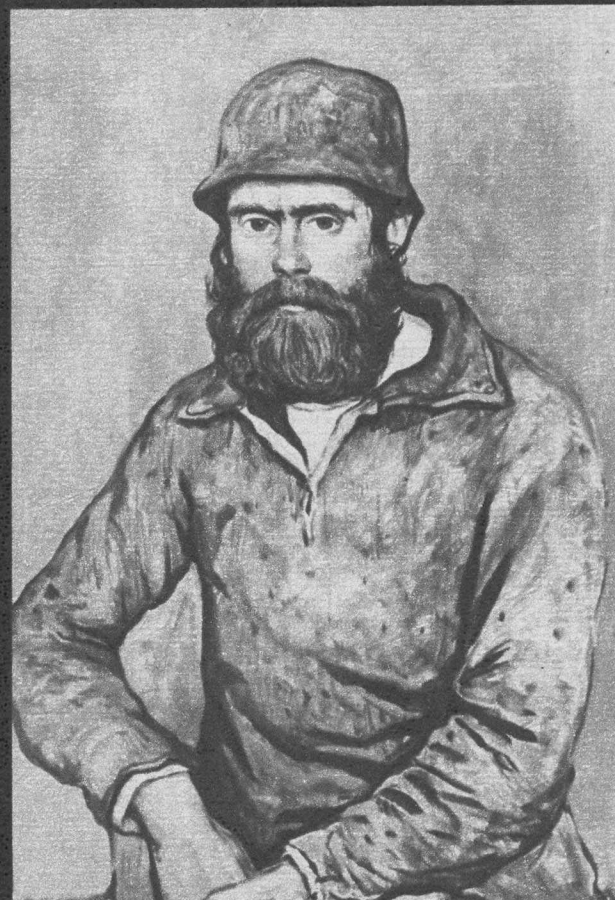

Вечер на БАМе.

Известный художник Илья Глазунов недавно вернулся из творческой командировки на строительство Байкало-Амурской магистрали. Мы публикуем несколько сделанных там работ.

Строится поселок Кунерма.

Сварщик Василий Иванович Ерохин приехал в Улькан из Ярославля.

